

Голосъ Толстого

И

№ 5.

ЕДИНЕНИЕ

— ГОДЪ
ИЗДАНІЯ I.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Новый адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Тверская, 70. Издательству „Голосъ Толстого и Единение“.

Выпускъ посвящается памяти Л. Н. Толстого,

къ седьмой годовщинѣ дня его смерти (7 ноября 1910—1917 г.).

СОДЕРЖАНІЕ. Голосъ Толстого: Почему христіанскіе народы вообще, и въ особенности русскій, находятся теперь въ бѣдственномъ положеніи. (Неизданная статья).—Единение: Памяти седьмой годовщины дня смерти Л. Н. Толстого. Изъ записокъ Н. Н. Гусева. (Неизданное въ Россіи).—Изъ архива Л. Н. Толстого: I. Письмо бывшаго жандарма. II. Письмо бывшаго священника. III. Письмо объ отказѣ отъ солдатчины; отвѣтъ Л. Н. Толстого. IV. Беседа съ Мишей Неизвѣстнымъ (изъ записной книжки Вл. Молочникова).—Крест. М. Новиковъ. Двѣ свободы—ложная и истинная.—Ромэнъ Ролланъ. Вѣчная Антигона. (Обращеніе къ женщинамъ).—К. Конашевичъ. Обращеніе къ единомышленникамъ, увлекающимся политикой міра.—В. Медвѣдовъ. Возстаніе въ Москвѣ. (Встрѣчи и переживанія).—Леон. Сажинъ. Тьма. (Письмо съ фронта).—Изъ печати (Народная бібліотека имени Л. Н. Толстого.—„Пророчества гения“) —Обмѣнъ мыслей.—Хроника.—(Привѣтъ борцамъ противъ войны. Вечеръ въ память Л. Н. Толстого. Въ о-вѣ истинной свободы; и др.).—Отъ Совѣта Общества истинной свободы и Редакціи издательства „Голосъ Толстого и Единение“. Къ сочувствующимъ распространенію взглядовъ Толстого.

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

Почему христіанскіе народы вообще, и въ особенности русскій, находятся теперь въ бѣдственномъ положеніи.

(Неизданная статья).

Люди мирно живутъ между собой и согласно дѣйствуютъ только тогда, когда они соединены однимъ и тѣмъ же міровоззрѣніемъ: одинаково понимаютъ цѣль и назначеніе своей дѣятельности.

Такъ это для семей, такъ это и для различныхъ кружковъ людей, такъ это для политическихъ партій, такъ это для цѣлыхъ сословій и такъ это въ особенности для народовъ, соединенныхъ въ государства.

Люди одного народа живутъ болѣе или менѣе мирно между собой и отстаиваютъ дружно свои общіе интересы только до тѣхъ поръ, пока живутъ однимъ и тѣмъ же, усвоеннымъ и признаваемымъ всѣми людьми народа, міровоззрѣніемъ. Общее людямъ народа міровоззрѣніе выражается обыкновенно установившейся въ народѣ религіей.

Такъ это было всегда въ языческой древности, такъ это есть и теперь и въ языческихъ, и въ магометанскихъ народахъ, и—съ особенной ясностью—въ самомъ древнемъ и до сихъ поръ продолжающемъ жить одной и той же мирной и согласной жизнью народѣ, Китаѣ. Такъ это было и среди такъ называемыхъ христіанскихъ народовъ. Народы эти были внутренне соединены той религіей, которая носила названіе христіанской.

Религія эта представляла изъ себя очень неразумное и внутренне противорѣчивое соединеніе самыхъ основныхъ и вѣчныхъ истинъ о жизни человѣческой съ самыми грубыми требованіями языческой жизни. Но какъ ни грубо было это соединеніе, оно, облакаясь въ торжественныя формы, долгое время отвѣчало нравственнымъ и умственнымъ требованіямъ европейскихъ народовъ.

Но чѣмъ дальше подвигалась жизнь, чѣмъ болѣе просвѣщались народы, тѣмъ все очевиднѣе и очевиднѣе ста-

новилося внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ этой религіи, ея неосновательность, несостоятельность и ненужность. Такъ это продолжалось вѣками и въ наше время дошло до того, что религія эта держится только пнерціей, никѣмъ уже не признается и не исполняетъ главнаго свойственнаго религіи вѣшняго воздѣйствія на народъ: соединенія людей въ одномъ міровоззрѣніи, одномъ общемъ всѣмъ пониманіи назначенія и цѣли жизни.

Прежде религіозное ученіе это распадалось на различныя секты, и секты горячо отстаивали каждая свое пониманіе; теперь этого уже нѣтъ. Если и существуютъ различныя секты между разными охотниками словопреній, никто уже серьезно не интересуется этими сектами. Вся масса народа, какъ самые ученые, такъ и самые неученые рабочіе не вѣрятъ уже не только въ эту, когда-[то] двигавшую людьми христіанскую религію, но не вѣрятъ ни въ какую религію, вѣрятъ, что самое понятіе религіи есть нѣчто отсталое и ненужное.

Люди ученые вѣрятъ въ науку, въ социализмъ, въ анархизмъ, въ прогрессъ. Люди неученые вѣрятъ въ обряды, въ церковную службу, въ воскресное недѣланіе, но вѣрятъ какъ въ преданіе, приличіе; но вѣры, какъ вѣры, соединяющей людей, движущей ими, совсѣмъ нѣтъ, или остаются исчезающіе ея остатки.

Ослабленіе вѣры, замѣна или скорѣе затемненіе ея суевѣрными обычаями для массъ и раціоналистическое толкованіе основъ вѣры высшими учеными классами происходитъ вездѣ: и въ браминизмѣ, и въ конфуціанствѣ, и въ буддизмѣ, и въ магометанствѣ; но нигдѣ нѣтъ того полнаго освобожденія народовъ отъ религіи, какое произошло и съ необыкновенной быстротой происходитъ въ христіанствѣ.

Затемненіе основъ вѣры суевѣрными толкованіями и обычаями есть общее всѣмъ религіямъ явленіе. Общія причины затемненія основъ вѣры заключаются, во-первыхъ, и главное, въ томъ, что всегда именно непонимающіе люди желаютъ толковать ученіе и своими толкованіями извращаютъ и ослабляютъ его; во-вторыхъ, въ томъ, что большинство ищетъ видимыхъ формъ проявленія ученія и переводитъ на вещественный духовный смыслъ ученія; въ-третьихъ, въ общихъ всѣмъ религіямъ жреческихъ искаженіяхъ религіозныхъ основъ ученій, ради выгодъ жрецовъ и властвующихъ классовъ.

Всѣ три причины эти извращения религіи общи всѣмъ религіознымъ ученіямъ и исказили отчасти ученія браминизма, буддизма, таосизма, конфуціанства, еврейства, магометанства; но причины эти не уничтожили вѣру въ эти ученія. И народы Азии, несмотря на извращения, которымъ подверглись эти ученія, продолжаютъ вѣрить въ нихъ и соединены между собою и отстаиваютъ свою независимость. Только одна, такъ называемая христіанская религія утратила всякую обязательность для народовъ, исповѣдующихъ ее, и перестала быть религіей.

Отчего это? Какія особенныя причины произвели это страшное явленіе?

Причина эта въ томъ, что такъ называемое церковно-христіанское ученіе не есть цѣльное, возникшее на основаніи проповѣди одного великаго учителя ученіе, каковы буддизмъ, конфуціанство, таосизмъ, а есть только поддѣлка подъ истинное ученіе великаго учителя, не имѣющая съ истиннымъ ученіемъ почти ничего общаго, кромѣ названія основателя и нѣкоторыхъ ничѣмъ не связанныхъ положеній, заимствованныхъ изъ основнаго ученія.

Знаю, что то, что я имѣю высказать теперь, именно то, что та церковная вѣра, которую вѣками исповѣдывали и теперь исповѣдуютъ миллионы людей подъ именемъ христіанства, есть не что иное, какъ очень грубая еврейская секта, не имѣющая ничего общаго съ истиннымъ христіанствомъ, — покажется людямъ, исповѣдующимъ на словахъ ученіе этой секты, не только невѣроятнымъ, но верхомъ ужаснѣйшаго кощунства.

Но я не могу не сказать этого. Не могу не сказать этого потому, что для того, чтобы люди могли воспользоваться тѣмъ великимъ благомъ, которое даетъ намъ истинное христіанское ученіе, намъ необходимо прежде всего освободиться отъ того безсвязнаго, ложнаго и, главное, глубоко-безнравственнаго ученія, которое скрыло отъ насъ истинное христіанское ученіе.

Ученіе это, скрывшее отъ насъ ученіе Христа, есть то ученіе Павла, изложенное въ его посланіяхъ и ставшее въ основу церковнаго ученія. Ученіе это не только не есть ученіе Христа, но есть ученіе прямо противоположное ему.

Стоитъ только внимательно прочесть Евангелія, не обращая въ нихъ особеннаго вниманія на все то, что носитъ печать суевѣрныхъ вставокъ, сдѣланныхъ составителями, въ родѣ чуда Канны Галилейской, воскрешеній, исцѣленій, изгнанія бѣсовъ и воскресенія самого Христа, а останавливаясь на томъ, что просто, ясно, понятно и внутренне связано одной и той же мыслью, — и прочесть хотя признаваемые самими лучшими посланія Павла, чтобы ясно стало то полное несогласіе, которое не можетъ не быть между всемірнымъ, вѣчнымъ ученіемъ простаго, святаго человѣка Іисуса съ практическимъ, временнымъ, мѣстнымъ, неяснымъ, запутаннымъ, высокопарнымъ и поддѣлывающимся подъ существующее зло ученіемъ фарисея Павла.

Какъ сущность ученія Христа (какъ все истинно великое) проста, ясна, доступна всѣмъ и можетъ быть выражена однимъ словомъ: человѣкъ — сынъ Бога, — такъ сущность ученія Павла искусственна, темна и совершенно непонятна для всякаго свободнаго отъ гипноза человѣка.

Сущность ученія Христа въ томъ, что истинное благо человѣка — въ исполненіи воли Отца. Воля же Отца — въ единеніи людей. А потому и награда за исполненіе воли Отца есть само исполненіе, слияніе съ Отцомъ. Награда сейчасъ, въ сознаніи единства съ волей Отца. Сознаніе это даетъ высшую радость и свободу. Достигнуть этого можно только возвышеніемъ въ себѣ духа, перенесеніемъ жизни въ жизнь духовную.

Сущность ученія Павла въ томъ, что смерть Христа и его воскресеніе спасаетъ людей отъ ихъ грѣховъ и жестокихъ наказаній, предназначенныхъ Богомъ теперешнимъ людямъ за грѣхи прародительскіе.

Какъ основа ученія Христа въ томъ, что главная и единственная обязанность человѣка есть исполненіе воли Бога, т. е. любви къ людямъ, — единственная основа ученія Павла та, что единственная обязанность человѣка — это вѣра въ то, что Христосъ своей смертью искупилъ и искупаетъ грѣхи людей.

Какъ по ученію Христа награда за перенесеніе своей жизни въ духовную сущность каждаго человѣка есть радостная свобода этого сознанія соединенія съ Богомъ, — такъ, по ученію Павла, награда доброй жизни не здѣсь, а въ будущемъ, посмертномъ состояніи. По ученію Павла,

жить доброй жизнью надо, главное, для того, чтобы получить за это награду «тамъ». Съ своей обычной нелогичностью онъ какъ бы говоритъ*) въ доказательство того, что должно быть блаженство будущей жизни: «Если мы не распутничаемъ и лишаемъ себя удовольствія дѣлать гадости здѣсь, а награды въ будущей жизни нѣтъ, то мы останемся въ дуракахъ».

Да, основа ученія Христа — истина, смыслъ, назначеніе жизни. Основа ученія Павла — расчетъ и фантазія.

Изъ такихъ различныхъ основъ естественно вытекаютъ и еще болѣе различные выводы.

Тамъ, гдѣ Христосъ говоритъ, что люди не должны ждать наградъ и наказаній въ будущемъ и должны, какъ работники у хозяина, понимать свое назначеніе исполнять его, — все ученіе Павла основано на страхѣ наказаній и на обѣщаніяхъ наградъ, вознесенія на небо или на самомъ безнравственномъ положеніи о томъ, что если ты вѣришь, то избавишься отъ грѣховъ, ты безгрѣшенъ.

Тамъ, гдѣ въ Евангеліи признается равенство всѣхъ людей и говорится что то, что велико передъ людьми, мерзость передъ Богомъ, Павелъ учитъ повиновенію властямъ, признавая установленіе ихъ отъ Бога, такъ что противящіяся власти противятся Божію установленію.

Тамъ, гдѣ Христосъ учитъ тому, что человѣкъ долженъ всегда прощать, Павелъ призываетъ анафему на тѣхъ, кто не дѣлаетъ то, что онъ велитъ, и совѣтуетъ напоить и накормить голоднаго врага съ тѣмъ, чтобы этимъ поступкомъ собрать на голову врагу горячіе уголья и просить Бога наказать за какіе-то личные расчеты съ нимъ Александра Мѣдника [Посл. 2-ое къ Тим., IV, 14].

Евангеліе говоритъ, что люди всѣ равны; Павелъ знаетъ рабовъ и велитъ имъ повиноваться господамъ. Христосъ говоритъ: не кланяйтесь вовсе и Кесарю отдавайте только то, что кесарево, а то, что Богово — твоя душа — не отдавай никому. Павелъ говоритъ:

«Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены». (Къ Римл. XIII, 1, 2).

Христосъ говоритъ: «Взявшие мечъ отъ меча погибнутъ». Павелъ говоритъ:

«Начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно поситъ мечъ; онъ — Божій слуга..., отмститель въ наказаніе дѣлающему злое». (Римл. XIII, 4).

Христосъ говоритъ: «Сыны Бога никому не обязаны платить подати». Павелъ говоритъ:

«Для сего вы и подати платите: ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно заняты. И потому отдавайте всякому должное; кому подати — подати; кому оброкъ — оброкъ, кому страхъ — страхъ, кому честь — честь». (Римл. XIII, 6, 7).

Но не однѣ эти противоположныя ученія Христа и Павла показываютъ несомѣстимость великаго, всемірнаго ученія, уясняющаго то, что было высказано всѣми величайшими мудрецами Греціи, Рима и Востока, съ мелкой, сектантской, случайной дурной проповѣдью непростѣннаго, самоувѣреннаго и мелко-тщеславнаго, хвастливаго и лжоваго еврея. Несомѣстимость эта не можетъ не быть очевидна для всякаго человѣка, воспринявшаго сущность великаго христіанскаго ученія.

А между тѣмъ цѣлый рядъ случайныхъ причинъ сдѣлалъ то, что это ничтожное и лживое ученіе заняло мѣсто великаго, вѣчнаго и истиннаго ученія Христа и даже на много вѣковъ скрыло его отъ сознанія большинства людей.

Правда, во всѣ времена среди христіанскихъ народовъ были люди, понимавшіе христіанское ученіе въ его истинномъ значеніи, но это были только исключенія. Большинство же такъ называемыхъ христіанъ, въ особенности послѣ того, какъ властью церкви всѣ писанія Павла и даже его совѣты пріятелямъ о томъ, чтобы пить вино для поправленія желудка, были признаны непререкаемымъ произведеніемъ Святого Духа, — большинство вѣрило, что именно это безнравственное, запутанное ученіе, поддающееся, вслѣдствіе этого, самымъ произвольнымъ толкованіямъ, и есть настоящее ученіе самого Бога-Христа.

Причинъ такого заблужденія было много различныхъ. Во-первыхъ, то, что Павелъ, какъ и всѣ самолюбивые, славолюбивые проповѣдники лжи, суетился, бѣгалъ изъ

*) Въ подлинникѣ стоитъ вѣроятно по ошибкѣ «говорить, какъ бы».

мѣста въ мѣсто, вербоваль учениковъ, не брезговаль никакими средствами для приобрѣтенія ихъ; люди же, понявшіе истинное ученіе, жили имъ и не торопились проповѣдывать.

Вторая причина была въ томъ, что посланія, проповѣдующія, подъ именемъ Іисуса Христа, ученіе Павла, стали, вслѣдствіе торопливой дѣятельности Павла, извѣстны прежде, чѣмъ Евангелія (это было въ 50-хъ годахъ послѣ рожденія Іисуса Христа, Евангелія же появились позднѣе).

Третья причина была въ томъ, что грубое ученіе Павла было доступнѣе грубой толпѣ, охотно принимавшей новыя суевѣрія, замѣнявшія старыя.

Четвертая причина была та, что ученіе это (какъ ни ложно оно было по отношенію тѣхъ основъ, которыя оно извращало), будучи все-таки разумнѣе другого, исповѣдуемаго народомъ—язычества, между тѣмъ не нарушало языческихъ формъ жизни, какъ и язычество, допуская и оправдывая насилія, казни, рабство. Тогда какъ истинное ученіе Христа, отрицая всякое насиліе, казни, войны, рабство, богатство,—въ корнѣ уничтожало весь складъ языческой жизни.

Сущность дѣла была такая.

Въ Галилеѣ и Іудеѣ появился великій мудрецъ, учитель жизни, Іисусъ, прозванный Христомъ. Ученіе его слагалось изъ тѣхъ вѣчныхъ истинъ о жизни человѣческой, смутно предчувствуемыхъ всеми людьми и болѣе или менѣе ясно высказанныхъ всеми великими учителями человѣчества: браминскими мудрецами, Конфуціемъ, Лао-Тзе, Буддой. Истины эти были восприняты окружающими Христа простыми людьми и болѣе или менѣе приурочены къ еврейскимъ вѣрованіямъ того времени, изъ которыхъ главное было ожиданіе пришествія Мессіи.

Появленіе Христа съ его ученіемъ, измѣнявшимъ весь строй существующей жизни, было принято нѣкоторыми, какъ исполненіе пророчествъ Мессіи.

Очень можетъ быть, что самъ Христосъ болѣе или менѣе приурочиваль свое вѣчное, всемірное ученіе къ случайнымъ, временнымъ религіознымъ формамъ того народа, среди котораго онъ проповѣдываль. Но, какъ бы то ни было, ученію Іисуса привлекло учениковъ, расшевелило народъ и, все болѣе и болѣе распространяясь, стало такъ непріятно еврейскимъ властямъ, что онѣ казнили Христа и послѣ его смерти гнали, мучили и казнили его послѣдователей (Стефана и другихъ). Казни, какъ всегда, только усиливали вѣру послѣдователей.

Упорство и убѣжденность этихъ послѣдователей, вѣроятно, обратили на себя вниманіе и сильно поразили одного изъ фарисеевъ, по имени Савла. Савлъ этотъ, получивъ потомъ названіе Павла, человѣкъ очень славолубивый, легкомысленный, горячій и ловкій, вдругъ по какимъ-то внутреннимъ причинамъ, о которыхъ мы можемъ только догадываться, вмѣсто прежней своей дѣятельности, направленной противъ учениковъ Іисуса, рѣшился, воспользовавшись той силой убѣжденности, которую онъ встрѣтилъ въ послѣдователяхъ Христа, сдѣлаться основателемъ новой религіозной секты, въ основы которой онъ положилъ тѣ очень неопредѣленные и неясныя понятія, которыя онъ имѣлъ объ ученіи Христа, все сросшіяся съ нимъ еврейскія фарисейскія преданія, а главное, свои измышленія о дѣйственности вѣры, которая должна спасать и оправдывать людей.

Съ этого времени, съ 50-хъ годовъ, и началась усиленная проповѣдь этого ложнаго христіанства; и въ эти 5—6 лѣтъ были написаны первыя, признанныя потомъ священными, псевдо-христіанскія письмена, именно посланія.

Посланія первыя опредѣлили для массъ совершенно превратное значеніе христіанства. Когда же было установлено среди большинства вѣрующихъ именно это ложное пониманіе христіанства, стали появляться и Евангелія, которыя, въ особенности Матѳея, были не дѣльныя произведенія одного лица, а соединеніе многихъ описаній о жизни и ученіи Христа.

Сначала появились [Евангелія] Марка, потомъ Матѳея, Луки, потомъ Іоанна.

Все Евангелія эти не представляютъ изъ себя дѣльныхъ произведеній, а все они суть соединенія изъ различныхъ писаній. Такъ, напримѣръ, Евангеліе Матѳея въ основѣ своей имѣетъ краткое Евангеліе евреевъ, заключающее въ себѣ одну Нагорную проповѣдь. Все же Евангеліе составлено изъ прибавляемыхъ къ нему дополненій. То же и съ другими Евангеліями. Все Евангелія эти (кромѣ главной части Евангелія Іоанна), появившіяся позднѣе Павла,

болѣе или менѣе подгонялись подъ существовавшее уже Павловское ученіе.

Такъ что истинное ученіе великаго учителя, то, которое сдѣлало то, что самъ Христосъ и его послѣдователи умирали за него, сдѣлало и то, что Павелъ избралъ это ученіе для своихъ славолубивыхъ цѣлей; истинное ученіе, съ первыхъ шаговъ своихъ извращенное павловскимъ извращеніемъ, все болѣе и болѣе прикрывалось толстымъ слоємъ суевѣрій, искаженій, лжепониманій, и кончилось тѣмъ, что истинное ученіе Христа стало неизвѣстно большинству и замѣнилось вполне тѣмъ страннымъ церковнымъ ученіемъ—съ папами, митрополитами, таинствами, иконами, оправданіями вѣрою и т. п., которое съ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ почти ничего не имѣетъ общаго, кромѣ имени.

Таково отношеніе истинно-христіанскаго ученія къ павловско-церковному ученію, называемому христіанскимъ. Ученіе было ложное по отношенію къ тому, что имъ будто бы представлялось; по какъ ни ложно оно было, оно все-таки было шагомъ впередъ въ сравненіи съ религіозными понятіями варваровъ времени Константина. И потому Константинъ и окружающіе его люди охотно приняли это ученіе, совершенно увѣренные въ томъ, что ученіе это есть ученіе Христа. Попавъ въ руки властвующихъ, ученіе это все болѣе и болѣе огрубѣвало и приближалось къ міросозерцанію народныхъ массъ. Явились иконы, статуи, обоготворенныя существа, и народъ искренно вѣрилъ въ это ученіе.

Такъ это было и въ Византіи, и въ Римѣ. Такъ это было и все средніе вѣка, и часть новыхъ—до конца 18-го столѣтія, когда люди, такъ называемые христіанскіе народы, дружно соединились во имя этой церковной павловской вѣры, которая давала имъ, хотя и очень низменное и ничего не имѣющее общаго съ истиннымъ христіанствомъ, объясненіе смысла и назначенія человѣческой жизни.

У людей была религія, они вѣрили въ нее и потому могли жить согласной жизнью, защищая общіе интересы.

Такъ это продолжалось долго, продолжалось бы и теперь, если бы эта церковная вѣра была самостоятельное религіозное ученіе, какъ ученіе браминизма, буддизма, какъ ученіе Шинто, въ особенности какъ китайское ученіе Конфуція, и не была поддѣлкой подъ ученіе Христіанства, не имѣющей въ самой себѣ никакого корня.

Чѣмъ дальше жило христіанское человѣчество, чѣмъ больше распространялось образованіе, и чѣмъ смѣлѣе и смѣлѣе становились на основаніи извращенной и признанной непогрѣшимой вѣры, какъ свѣтскіе, такъ и духовные властители, тѣмъ все больше и больше изобличалась фальшь извращенной вѣры, вся неосновательность и внутренняя противорѣчивость ученія, признающаго основой жизни любовь и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывающаго войны и всякаго рода насилія.

Люди все меньше и меньше вѣрили въ ученіе, и кончилось тѣмъ, что все огромное большинство христіанскихъ народовъ перестало вѣрить не только въ это извращенное ученіе, но и въ какое бы то ни было общее большинству людей религіозное ученіе. Все раздѣлилось на безчисленное количество не вѣръ, а міровоззрѣній; все, какъ пословица говоритъ, расплодилось, какъ слѣпые щенята отъ матери, и все теперь люди нашего христіанскаго міра съ разными міровоззрѣніями и даже вѣрами: монархисты, социалисты, республиканцы, анархисты, спиритисты, евангелисты и т. п., все боится другъ друга, ненавидятъ другъ друга.

Не стану описывать бѣдственность, раздѣленность, озлобленность людей христіанскаго человѣчества. Всякій знаетъ это. Стоитъ только прочесть первую попавшуюся какую бы то ни было, самую консервативную или самую революционную газету. Всякій, живущій среди христіанскаго міра, не можетъ не видѣть, что какъ ни плохо теперешнее положеніе христіанскаго міра, то, что ожидаетъ его, еще хуже.

Взаимное озлобленіе растетъ, и все заплатки, предполагаемыя какъ правительствами, такъ и революціонерами, социалистами, анархистами, не могутъ привести людей, не имѣющихъ передъ собою никакого другого идеала, кромѣ личнаго благосостоянія, и потому не могущихъ не завидовать другъ другу и не ненавидѣть другъ друга—ни къ чему другому, кромѣ [какъ] къ всякаго рода побойщамъ, и внѣшнимъ и внутреннимъ, и къ величайшимъ бѣдствіямъ.

Спасеніе не въ мирныхъ конференціяхъ и пенсіонныхъ кассахъ, не въ спиритизмѣ, евангелизмѣ, свободномъ протестанствѣ, социализмѣ; спасеніе въ одномъ: въ признаніи од-

ной такой вѣры, которая могла бы соединить людей нашего времени. И вѣра эта есть, и многіе есть люди уже теперь, которые знаютъ ее.

Вѣра эта есть то учение Христа, которое было скрыто отъ людей лживымъ учениемъ Павла и церковью. Стоитъ только снять эти покровы, скрывающіе отъ насъ истину, и намъ откроется то учение Христа, которое объясняетъ людямъ смыслъ ихъ жизни и указываетъ на проявленіе этого ученія въ жизни и даетъ людямъ возможность мирной и разумной жизни.

Учение это просто, ясно, удобоисполнимо, одно для всѣхъ людей мира и не расходится съ учениями Кришны, Будды, Лао-Тзе, Конфуція—въ ихъ неизвращенномъ видѣ, Сократа, Эпиктета, Марка Аврелія и всѣхъ мудрецовъ, понимавшихъ общее для всѣхъ людей, одно назначеніе человѣка и общій всѣмъ, во всѣхъ ученіяхъ одинъ и тотъ же законъ, вытекающій изъ сознанія этого назначенія,—но подтверждаетъ и уясняетъ ихъ.

Казалось бы, такъ просто и легко страдающимъ людямъ освободиться отъ того грубаго суевѣрія, извращеннаго христіанства, въ которомъ они жили и живутъ, и усвоить то религиозное учение, которое было извращено, и исполненіе котораго неизбѣжно даетъ полное удовлетвореніе какъ тѣлесной, такъ [и] духовной природѣ человѣка. Но на пути этого осуществленія стоитъ много и много самыхъ разнообразныхъ препятствій: и то, что ложное ученіе это признано божественнымъ; и то, что оно такъ переплелось съ истиннымъ учениемъ, что отдѣлать ложное отъ истиннаго особенно трудно; и то, что обманъ этотъ освященъ преданіемъ древности, и на основаніи его совершено много дѣлъ, считающихся хорошими, которыя, признавъ истинное ученіе, надо было [бы] признать постыдными; и то, что на основаніи ложнаго ученія сложилась жизнь господъ и рабовъ, вслѣдствіе которой можно было произвести всѣ тѣ мнимыя блага матеріальнаго прогресса, которымъ такъ гордится наше челоѣчество;—а при установленіи истиннаго христіанства вся наибольшая часть этихъ приспособленій должна будетъ погибнуть, такъ какъ безъ рабовъ некому будетъ ихъ дѣлать.

Препятствіе особенно важное и то, что истинное ученіе невыгодно для людей властвующихъ. Властвующіе же люди имѣютъ возможность, посредствомъ и ложнаго воспитанія и подкупа, насилія и гипноза взрослыхъ распространять ложное ученіе, вполне скрывающее отъ людей то истинное ученіе, которое одно даетъ несомнѣнное и неотъемлемое благо всѣмъ людямъ.

Главное препятствіе состоитъ въ томъ, что именно вслѣдствіе того, что ложь извращенія христіанскаго ученія слишкомъ очевидна, въ послѣднее время все болѣе и болѣе распространялось и распространяется грубое суевѣріе, во много разъ вреднѣйшее, чѣмъ всѣ суевѣрія древности,—суевѣріе о томъ, что религія вообще есть нѣчто ненужное, отжитое,—что безъ религіи челоѣчество можетъ жить разумной жизнью.

Суевѣріе это особенно свойственно людямъ ограниченнымъ. А такъ какъ таковыхъ большинство людей въ наше время, то грубое суевѣріе это все болѣе и болѣе распространяется. Люди эти, имѣя въ виду самую грубую извращенія религіи, воображаютъ, что религія вообще есть нѣчто отсталое, пережитое челоѣчествомъ, и что теперь люди узнали, что они могутъ жить безъ религіи, т. е. безъ отвѣта на вопросъ: зачѣмъ живутъ люди, и чѣмъ имъ, какъ разумнымъ существамъ, надо руководствоваться.

Грубое суевѣріе это распространяется преимущественно людьми, такъ называемыми, учеными, т. е. людьми особенно ограниченными и потерявшими способность самобытнаго, разумнаго мышленія, вслѣдствіе постояннаго изученія чужихъ мыслей и занятія самими праздными и ненужными вопросами. Особенно же легко и охотно воспринимается это суевѣріе отупѣвшими отъ машинной работы городскими фабричными рабочими, количество которыхъ становится все больше и больше, въ самыхъ считающихся просвѣщенными, т. е. въ сущности въ самыхъ отсталыхъ и извращенныхъ людяхъ нашего времени.

Въ этомъ все болѣе и болѣе распространяющемся суевѣрїи причина непринятія истиннаго ученія Христа. Но въ немъ же, въ этомъ распространяющемся суевѣрїи, и причина того, что люди неизбѣжно будутъ приведены къ пониманію того, что религія, которую они отвергаютъ, воображая,

что это религія Христа, есть только извращеніе этой религіи, а что истинная религія одна можетъ спасти людей отъ тѣхъ бѣдствій, въ которыя они все болѣе и болѣе впадаютъ, живя безъ религіи.

Люди самымъ опытомъ жизни будутъ приведены къ необходимости понять то, что безъ религіи люди никогда не жили и не могутъ жить, что если они живы теперь, то только потому, что волки, зайцы могутъ жить безъ религіи, челоѣкъ [же], имѣющій разумъ,—такое орудіе, которое даетъ ему огромную силу,—если живетъ безъ религіи, подчиняясь своимъ животнымъ инстинктамъ, становится самымъ ужаснымъ звѣремъ, вреднымъ особенно для себѣ подобныхъ.

Вотъ это-то люди неизбѣжно поймутъ, и начинаютъ понимать теперь послѣ тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, которыя они причиняютъ и готовятся причинять себѣ.

Люди поймутъ, что имъ нельзя жить въ обществѣ безъ одного, соединяющаго ихъ, общаго пониманія жизни. И это общее, соединяющее всѣхъ людей пониманіе жизни смутно носится въ сознаніи всѣхъ людей христіанскаго міра, отчасти потому, что это сознаніе присуще челоѣку, отчасти потому, что это пониманіе жизни выражено въ томъ самомъ ученіи, которое было извращено, но сущность котораго проникла и сквозь извращеніе.

Надо только понять, что все, чѣмъ еще держится нашъ міръ, все, что есть въ немъ добраго, все единеніе людей, то, которое есть,—всѣ тѣ идеалы, которые носятъ передъ людьми: социализмъ, анархизмъ, все это—не что иное, какъ частныя проявленія той истинной религіи, которая была скрыта отъ насъ павловствомъ и церковью (скрыта она была, вѣроятно, оттого, что сознаніе народовъ еще не доспѣло до истинной) и до которой теперь доспѣло христіанское челоѣчество.

Людамъ нашего времени и міра не нужно, какъ это думаютъ ограниченныя и легкомысленныя люди, такъ называемыя ученые, придумывать какія-то новыя основы жизни, могущія соединить всѣхъ людей, а нужно только откинуть всѣ тѣ извращенія, которыя скрываютъ отъ насъ истинную вѣру, и эта вѣра, единая со всѣми разумными существами вѣрь всего челоѣчества, откроется передъ нами во всемъ своемъ не только величїи, но всей обязательности своей для всякаго челоѣка, обладающаго разумомъ.

Какъ готовая кристаллизироваться жидкость ожидаетъ толчка для того, чтобы превратиться въ кристаллы, такъ и христіанское челоѣчество ждало только толчка для того, чтобы всѣ его смутныя христіанскія стремленія, заглушаемыя ложными ученіями и въ особенности суевѣріемъ о возможности челоѣчеству жить безъ религіи [превратились въ дѣйствительность], и толчекъ почти одновременно данъ намъ пробужденіемъ восточныхъ народовъ и революціей среди русскаго народа, больше всѣхъ другихъ удержавшаго въ себѣ духъ истиннаго христіанства, а не павловскаго христіанства.

Причина, по которой христіанскіе народы вообще, и русскій народъ въ особенности, находятся теперь въ бѣдственномъ положеніи,—та, что народы не только потеряли единственное условіе, необходимое для мирнаго, согласнаго, счастливаго сожителства людей: вѣрованія въ однѣ и тѣ же основы жизни и общіе всѣмъ людямъ законы поступковъ,—не только лишены этого главнаго условія хорошей жизни, но еще и коснѣютъ въ грубомъ суевѣрїи о томъ, что люди могутъ жить хорошей жизнью безъ вѣры.

Спасеніе отъ этого положенія въ одномъ: въ признаніи того, что если извращеніе христіанской вѣры и было извращеніе вѣры и должно быть отвергнуто, то та вѣра, которая была извращена, есть единая, необходимѣйшая въ наше время истина, сознаваемая всѣми людьми не только христіанскаго, но и восточнаго міра, и слѣдованіе которой даетъ людямъ, каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ, не бѣдственную, а согласную и добрую жизнь.

Спасеніе не въ томъ, чтобы устроить придуманную нами для другихъ жизнь, какъ понимаютъ это спасеніе теперь люди, не имѣющіе вѣры—каждый по своему: одни парламентаризмъ, другіе республику, третьи социализмъ, четвертые анархизмъ,—а въ томъ, чтобы всѣмъ людямъ въ одномъ и томъ же понимать для каждого самого себя назначеніе жизни и законъ ея и жить на основаніи этого закона въ любви съ другими людьми, но безъ опредѣленія впередъ какого-либо извѣстнаго устройства людей.

Устройство жизни всѣхъ людей будетъ хорошо только тогда, когда люди не будутъ заботиться объ этомъ устройствѣ, а будутъ заботиться только о томъ, чтобы каждому

передь своей совѣстью исполнить требованія своей вѣры. Только тогда и устройство жизни будетъ наилучшимъ, не такое, какое мы придумываемъ, а такое, какое должно быть соотвѣтственно той вѣры, которую исповѣдуютъ люди, и законы которой они исполняютъ.

Вѣра же эта существуетъ въ чистомъ христіанствѣ, совпадающемъ со всѣми ученіями мудрецовъ древности и востока.

И я думаю, что именно теперь настало время этой вѣры, и что лучшее, что можетъ человѣкъ сдѣлать въ наше время, это то, чтобы въ жизни своей слѣдовать ученію этой вѣры и содѣйствовать распространенію ея въ людяхъ.

Левъ Толстой.

17 мая 1907 г.

Ясная Поляна.

ЕДИНЕНІЕ.

Изъ записокъ Н. Н. Гусева.

(Незданное въ Россіи).

Церковь.

30 января 1908.

Сегодня послѣ завтрака зашелъ разговоръ о свящ. Петровѣ. На-дняхъ мы читали вслухъ его послѣднее «Письмо къ митрополиту Антонію», въ которомъ онъ излагаетъ свои религиозные взгляды. Левъ Николаевичъ сталъ припоминать, почему остался чуждъ этому письму. Просмотрѣвъ брошюру, онъ вспомнилъ:

— Онъ говоритъ о церкви, о какой-то истинной церкви. Для меня всякая церковь есть ложь, потому что человѣкъ не можетъ быть непогрѣшимымъ. Изъ-за этого, изъ того, что были люди, признающіе себя непогрѣшимыми, были войны, пролито столько крови...

Правительство и прогрессъ человечества.

29 февр. 1908.

Вчера вечеромъ у Льва Николаевича былъ разговоръ съ его старымъ знакомымъ и частью единомышленникомъ А. М. Бодянскимъ о дѣятельности правительствъ. Бодянский высказалъ мысль, что такіе люди, какъ Побѣдоносцевъ, мѣшаютъ движенію впередъ человечества. Левъ Николаевичъ не согласился съ этимъ.

— Если въ одномъ человѣкѣ,—сказалъ Л. Н.,—подъ влияніемъ преслѣдованій исчезаетъ добро, котораго у него было, скажемъ, на 30°, то у другого на 20° увеличивается. Какъ это учесть?

Бодянский.—Вы вѣрите въ то, что человечество обязательно придетъ къ добру?

Л. Н.—Да, несомнѣнно!

Б.—А у меня такой вѣры нѣтъ! Значитъ, вы вѣрите въ предопредѣленіе?

Л. Н.—Не въ предопредѣленіе, а въ то, что законъ добра, въ который я вѣрю, есть вѣчный законъ. Думать, что Побѣдоносцевы могутъ помѣшать движенію человечества—это все равно, что думать, что какая нибудь утка можетъ помѣшать паденію Ниагарскаго водопада.

Б.—Я бы такъ тоже вѣрилъ, какъ вѣрите вы, но у меня есть множество фактовъ, которые доказываютъ обратное; что правительствъ дѣйствительно препятствуетъ прогрессу человечества, мѣшаетъ людямъ воспринять истину.

Л. Н. (съ жаромъ).—Да, развѣ вы не знаете много такихъ людей, которымъ никто не мѣшаетъ, и все-таки они не двигаются, все равно, какъ въ этотъ стаканъ (онъ взялъ со столика стаканъ и перевернулъ его) лейте воду сверху, она никакъ не проникнетъ внутрь; нужно, чтобы стаканъ перевернулся, а почему онъ переворачивается, это тайна.

Б.—Никакой тутъ тайны нѣтъ, просто должны явиться благоприятныя условія.

Левъ Николаевичъ долженъ былъ идти брать ванну, онъ нѣсколько разъ уходилъ, но возвращался опять и продолжалъ разговоръ, который, видимо, очень захватилъ его.

— Меня поражаетъ такое презрѣніе къ человѣческому духу, униженіе его,—сказалъ онъ.

„Не могу молчать“.

13 іюля 1908.

Сегодня я прочиталъ въ «Русскомъ Словѣ», что въ Севастополѣ издатель газеты напечаталъ «Не могу молчать» и расклеилъ газету по городу. Его арестовали. Я рассказалъ объ этомъ Л. Н-чу и прибавилъ:

— Какъ хорошо, Л. Н., что вы написали эту статью. Левъ Николаевичъ, помолчавъ, сказалъ:

— Это для меня подтверждаетъ мысль, что дѣлай то, что тебѣ велитъ совѣсть, не заботясь о послѣдствіяхъ.

— Да,—сказалъ я.—Вы навѣрное не думали, когда писали эту статью, что она получитъ такое распространеніе?

— Нѣсколько,—отвѣтилъ Л. Н.—А о другихъ статьяхъ, напротивъ, думаешь, какое онѣ произведутъ дѣйствіе, и никакого не производятъ.

Л. Н. получаетъ много сочувственныхъ писемъ по поводу «Не могу молчать». Самое трогательное письмо было изъ Калуги отъ бывшей у Л. Н-ча весною дамы—теософки. Она, между прочимъ, пишетъ:

«N. N., уже почти старый человѣкъ, въ глубокомъ вслнненіи написалъ вамъ о своемъ впечатлѣніи отъ вашей статьи. Намъ онъ рассказалъ, какъ, встрѣтивъ своего знакомаго, онъ его спросилъ, читалъ ли онъ вашу статью? И на утвердительный отвѣтъ невольно сказалъ: «Знаете что: вѣдь я почувствовалъ, что я также хочу, чтобы мнѣ надѣли на шею намыленную веревку»... «И я также этого хочу!»—отвѣтилъ знакомый».

Это мѣсто письма Л. Н. началъ рассказывать своимъ гостямъ, но отъ слезъ не могъ договорить до конца.

Еврейскій вопросъ.

28 мая 1908.

Пріѣхала изъ Бессарабіи г-жа С. Она говорила со Л. Н-чемъ о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ евреямъ. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Я признаю только одно отношеніе къ евреямъ: отношеніе религиозное, какъ къ людямъ-братьямъ. Всякое разсужденіе, которое нарушаетъ это отношеніе, вотъ какъ Чамберлена*),—я его боюсь.

С. возразила, что подобно тому, какъ Л. Н. не щадитъ правительство и высшихъ сословій, такъ же не надобно щадить и евреевъ.

Левъ Николаевичъ отвѣтилъ:

— Я только сегодня разговаривалъ объ этомъ съ Марьей Александровной**). Когда вы видите, что человѣкъ дѣлаетъ зло людямъ-братьямъ, и люди отъ этого страдаютъ, то никакъ это не можетъ вызвать насилія надъ нимъ—это для меня вопросъ рѣшенный, но не можетъ не вызвать словъ обличенія. Обличеніе неизбежно, и обличеніе простительно. Это смягчающее вину обстоятельство—обличеніе, когда оно имѣетъ въ виду прекращеніе того зла, которое вы видите. Ну, человѣкъ душитъ другого человѣка. Ну, думаю, что я не могу не сказать ему: перестань душить его! за что ты его душишь?—опомнись!

С. возразила, что мало того, что Л. Н. въ своихъ сочиненіяхъ обличаетъ тѣхъ, кто душитъ, но онъ объясняетъ тѣмъ, кого душатъ, что ихъ душатъ.

— Я объясню,—согласился Л. Н.,—но съ тѣмъ, чтобы они употребляли для освобожденія себя средства—я думаю, что это такъ въ большинствѣ моихъ писаній—чтобы они употребляли средства разумныя, которыя дѣйствительно могутъ ихъ освободить: средства исполненія христіанскаго закона.

— Вотъ и нужно,—возразила С.,—указывать людямъ на то зло, которое производятъ евреи.

— Для меня зло, которое они производятъ, не такъ ясно, какъ напр. зло правительства, зло большихъ землевладѣльцевъ, зло капиталистовъ,—сказалъ Л. Н.

С. стала говорить о томъ, въ чемъ она видитъ зло, производимое евреями.

— Я думаю,—сказалъ Л. Н.,—эту мысль я сколько разъ самъ для себя объяснялъ и теперь готовъ повторить,—что строй нашей жизни такъ неправиленъ, что въ этомъ

*) Этотъ писатель пытается доказать противоположность характеровъ и вѣрованій арійской и семитической расы, а также то, что евреи въ будущемъ завладутъ всѣмъ міромъ.

**) Шмидтъ, старый другъ и единомышленница Л. Н-ча.

неправильномъ строѣ жизни люди наименѣе совѣстливые всегда будутъ властвовать, какъ властвуютъ теперь наименѣе совѣстливые въ правительствѣ: тѣ, которые душатъ, подписываютъ смертныя приговоры, сейчасъ же дѣлаютъ карьеру. Въ промышленности, думаю, то же самое. Потому что таковъ строй; значить, нужно, чтобы строй измѣнился, а при этомъ строй такъ и должно быть, чтобы наименѣе совѣстливые властвовали надъ болѣе совѣстливыми. Я уже говорилъ когда-то, что какъ только крестьяне переходятъ изъ православія въ сектанство, такъ сейчасъ евреи оттуда уходятъ, потому что имъ дѣлать нечего: водки не пьютъ, денегъ не занимаютъ, и они, какъ тараканы изъ чистаго помѣщенія, уходятъ.

На дальнѣйшія обличенія г-жей С. евреевъ Л. Н. отвѣтилъ:

— Я все настаиваю принципиально на томъ, что всякіе могутъ быть повсюду, что нельзя дѣлать исключеній для цѣлыхъ народовъ.

И Л. Н. вспомнилъ Молочникова и другихъ своихъ друзей евреевъ.

Разговоръ перешелъ на земледѣльческія общины. Затѣмъ г-жа С. снова заговорила о евреяхъ. Левъ Николаевичъ съ видимымъ недовольствомъ сказалъ:

— Да что судить другихъ. Я думаю, что зло побѣждать можно только добромъ. Это такой тундизмъ, такъ это кажется скучно и пошло, а между тѣмъ, это единственное средство. Вотъ вы разговариваете про эти запрещенія. Они очень много дѣлаютъ для того, чтобы развить въ нихъ дурныя свойства—тѣ самыя, которыя намъ неприяты, потому что невольно онъ скажетъ: вотъ мнѣ землю запрещено имѣть, запрещено жить тамъ-то. Причина этихъ дурныхъ свойствъ—вотъ эти гоненія, и намъ для того, чтобы избавиться отъ нихъ, нужно бороться съ гоненіями, а не съ ними. Потому что это оправданіе для нихъ того нехорошаго, что они дѣлаютъ. И всѣ эти запрещенія, какъ вы и говорите, не достигаютъ цѣли.

Изъ архива Л. И. Толстого.

I.

Письмо бывшего жандарма.

Декабрь 1908 г.

Премногоуважаемый Левъ Николаевичъ!

Простите, что осмѣливаюсь своимъ письмомъ беспокоить Васъ.

Въ 1902 году я служилъ жандармомъ, написалъ Вамъ письмо, въ коемъ, какъ мнѣ помнится, много и очень даже много написалъ, но все писанное не мое, а чужое, т. е. писалъ не то, что слѣдовало бы, и мнѣ за мое письмо совѣстно, ибо я собралъ ото всѣхъ понемногу, отъ Марка, Луки, Ездры, ну словомъ, отъ всѣхъ, но не отъ себя, и это потому, что меня тогда не было, а гдѣ же я былъ? Спалъ и все написанное мною во снѣ, а поэтому прошу Васъ, возлюбленный Левъ Николаевичъ, простите меня. Быть можетъ Вы его и не получили, а если получили, то давно забыли, но я не могу забыть. Когда я написалъ письмо, о которомъ идетъ рѣчь, то несмотря, что я старшій жандармъ и никого изъ начальства на станціи, гдѣ я служилъ, не было, я все же боялся нести таковое на почту, такъ какъ хотѣлось сдать заказнымъ, просилъ доктора, который и принялъ на себя непосильный для меня трудъ. Вспоминая въ данное время прошлое, думаю, кого же я боялся, самъ себя. Хотя отчасти и было чего бояться, ибо слово „Толстой“ приводило въ ярость лжехристіанъ—церковниковъ.

Когда я, скотина, поступилъ въ жандармы, и служилъ нѣкоторое время съ радостью, мнѣ было пріятно ничего не работать и хорошо жрать и своими протоколами грѣхъ желѣзно-дорожныхъ агентовъ прикрывать, но эта радость скоро исчезла. Она же торжествовала, пока одинъ сосланный за религіозныя убѣжденія не далъ мнѣ въ руки Евангеліе, и какъ только сталъ читать оное, такъ для меня служба моя стала не радость, а кромѣшный адъ, ибо профессія моя противорѣчила совѣсти и разуму и я, несмотря на старшинство и всѣ блага онаго, бросилъ позорную для меня профессію, хотя и трудно было побороть мое „я“ дьявола, но все же съ помощью голоса совѣсти и разума сбросилъ служебные

доспѣхи, чѣмъ и привелъ моихъ соратниковъ въ недоумѣніе, ибо они говорили, что съ нимъ случилось, съ ума сошелъ, и жалованье хорошее, и насъ поощрялъ во всемъ; но дѣйствительно съ одного ума сошелъ, но на другой набрелъ.

Простите, Левъ Николаевичъ, что утруждаю, но вѣдь очень и очень желательно поговорить, ибо не съ кѣмъ болѣе: видите ли сегодня праздникъ, да еще Рождество, люди пошли въ церковь молиться, свѣчи ставить, а придутъ домой, будутъ кадить и возливать Бахусу жертвы, а я сижу одинъ,—жена съ дѣтьми уѣхала къ отцу, изгнаннику за религіозныя убѣжденія и проживающему на ст. Елизаветполь. А впрочемъ я не одинъ, а съ Вами, Л. Н., и еще кто-то, кого я не вижу и голоса не слышу, но чувствую, что кто-то есть, какъ-будто онъ, кто есть здѣсь, около меня, во мнѣ и я въ его власти. Мнѣ радостно, хочу плакать слезами счастья, ужъ очень хорошо. Господи, не уходи отъ меня, съ Тобой хорошо; кому повѣдаю, что мнѣ хорошо, когда слушаю голосъ разума и иду по пути, указываемому велѣніями совѣсти. Господи, какъ это все хорошо, вѣдь на землѣ царство жизни, царство радости. Да если бы я не боялся за свою слабость, я бы закричалъ всѣмъ людямъ: идите, пейте воду живую, она здѣсь, около, да въ васъ же самихъ.

Левъ Николаевичъ! Какъ извѣстно, въ 1905 году манифестомъ даны какія-то свободы, а я свободенъ до онаго 1905 г. У людей есть враги, у меня врага нѣту, всѣ люди братья. Да вѣдь я тоже былъ когда-то юноша, скотина, и своихъ лошадей ночью пасъ въ чужомъ овсѣ, а утромъ пошелъ въ церковь, поставилъ свѣчу и преусерднѣйше сталъ молиться, или скорѣй хвалиться, что я не таковъ, какъ Федька Кувдылкинъ, ругается и въ церкви стоитъ и на дѣвокъ посматриваетъ, а я этого не дѣлаю, а что овса потравилъ, объ этомъ совершенно забылъ, ибо церковь—покровительница своимъ гиппозомъ погасила во мнѣ все священное, ибо мнѣ никогда ни дома, ни въ церкви не говорили: не дѣлай людямъ, чего себѣ не желаешь, а это-то и есть самый главный и важный факторъ жизни, и выходитъ то, что церковь говоритъ много, но до сихъ поръ ничего не сказала важнаго, а поэтому ей настала пора замолчать. Но да будетъ Твоя, Господи, воля, а не моя и не то, что я хочу, а что Ты, Отецъ.

Если бы кто спросилъ меня, чего ты больше всего желаешь на свѣтѣ, я бы сказалъ: видѣть Льва Николаевича. А чего бы ты больше всего просилъ у Бога, я бы просилъ, какъ можно больше продлить жизнь на землѣ Л. Н., да еще маленькое коротенькое письмецо,—я бы тогда сказалъ, что вотъ онъ, графъ, великій писатель, а я ничтожный крестьянинъ, и мы пишемъ другъ другу письма, потому что мы одного Отца дѣти.

Да продлитъ Господь Богъ Вашу жизнь на многія и многія лѣта.

Любящій Васъ братъ Ст. Л—ъ.

II.

Письмо бывшего священника.

25 Ноября 1908 г.

Уважаемый Левъ Николаевичъ!

Примите отъ Вашего почитателя сердечный привѣтъ и краткую исповѣдь.

Я окончилъ духовную семинарію и, хотя настоящаго призванія къ священству собственно не чувствовалъ, однако за неимѣніемъ подъ руками другого, болѣе торнаго для себя въ жизни пути, какъ человѣкъ матеріально необезпеченный (казенный бурсакъ), принялъ священство.

Этотъ путь общественнаго служенія казался мнѣ тогда самымъ подходящимъ, такъ какъ я, по моему убѣжденію, былъ и достаточно подготовленъ къ священству 10-тилѣтней спеціальной учебой, да и служеніе пастыря духовнаго рисовалось мнѣ, если не подвигомъ, то во всякомъ случаѣ, служеніемъ высоко идеальнымъ. Правда, мои религіозныя убѣжденія уже тогда были далеко не казеннаго образца: еще въ семинаріи, изучая догматику, я уже не вѣрилъ, дапримѣръ, во Христа, какъ едиnorodнаго, единосущнаго сына Божія, и не могъ себѣ никакъ выяснить причинъ: зачѣмъ и кому собственно понадобилось это сказочно-запутанное, непонятное и для человѣка рѣшительно ненужное и бесполезное ученіе о св. троицѣ. Божество Христа для меня ничего не прибавляло къ христіанству, напротивъ, только создавало массу недоразумѣній и сомнѣній. Я почиталъ

Христа не потому, что онъ Богъ, а потому, что онъ возвѣстилъ поистинѣ божественное ученіе. Если Христосъ—человѣкъ, онъ великъ, если же онъ—Богъ, тогда, какъ мнѣ казалось, Христосъ и мелокъ, и слабъ, и ничтоженъ.

На обряды христіанской религіи я уже въ семинаріи смотрѣлъ, какъ на случайные обычаи, которые, если и возможно допускать, то только со смысломъ. Идя во священники, я рѣшилъ поэтому бороться съ обрядомъ, заѣдающимъ духъ и смыслъ христіанства. Въ чудеса, иконы, мощи, таинства не вѣрилъ и смотрѣлъ на нихъ тоже, какъ на обряды.

Въ семинаріи мнѣ мало пришлось прочитать свободной (запрещенной) религіозной литературы, но сомнѣній, разочарованій, недоумѣній уже въ головѣ моей и безъ того было достаточно, такъ какъ всѣ эти сомнѣнія сами собою рождались между строкъ православной догматики и другихъ богословій. Съ такой приблизительно смутно-отрицательной религіозной подготовкой я вступилъ во священники, гдѣ мнѣ пришлось уже на дѣлѣ, или такъ сказать на практикѣ, столкнуться съ русскимъ православіемъ: суевѣріями, святыми, постами, обрядами, богослуженіемъ, таинствами и т. д. Здѣсь сомнѣній и разочарованій родилось у меня уже безъ конца... Здѣсь же, будучи уже священникомъ, я впервые прочиталъ и Ваши, Левъ Николаевичъ, изслѣдованія по религіознымъ вопросамъ. Они произвели на меня ошеломляющее впечатлѣніе: такъ могъ говорить только власть истины имѣющей... Догмы пали, и все то, что смутно роилось до этого времени въ моей головѣ, чего въ своихъ сомнѣніяхъ я не могъ доказать, объяснить и формулировать, все это я нашель въ Вашей, Левъ Николаевичъ, свободной и дѣйствительно-научной критикѣ (очевидно, Вы думали за всѣхъ насъ), и понялъ тогда всѣ свои сомнѣнія ясно, и на душѣ стало и легко и покойно, такъ какъ мое невѣріе уже не казалось мнѣ исключителемъ, а главное—тяжкимъ грѣхомъ.

Уважаемый Левъ Николаевичъ, Васъ прославляютъ, какъ великаго писателя-художника, какъ творца „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“. Позвольте и мнѣ принести Вамъ мой привѣтъ, какъ свѣточу земли русской, но не за художественныя главнымъ образомъ Ваши произведенія (ихъ на Руси не мало),—кланяюсь Вамъ, какъ великому религіозному мыслителю, свободно разсѣявшему въ нами сгустившійся мракъ религіозныхъ заблужденій, создавшихъ на Руси государственное православіе. Такихъ религіозныхъ мыслителей на Руси еще не было. Этимъ Вы, Левъ Николаевичъ, и велики и недосыгаемы.

Теперь я уже не священникъ и уже болѣе не приношу государственному Богу жертвы въ его рукотворенномъ храмѣ. Быть священникомъ, какъ я его сталъ понимать, благодаря Вамъ,—нельзя, а оставаться священникомъ русскаго государственнаго православія—было стыдно.

Посылаю Вамъ, Левъ Николаевичъ, мою брошюрку.
Дай Вамъ Богъ здоровья!

Уважающій Васъ Николай Изв. С—ъ.

III.

Письмо объ отказѣ отъ солдатчины.

20 марта 1909 г.

Многоуважаемый Левъ Николаевичъ!

Покорнѣйше прошу милостиво простить меня, что я осмѣливаюсь Васъ беспокоить своимъ письмомъ. Писать къ Вамъ меня заставляетъ дѣло большой важности, а именно: младшій мой братъ въ прошломъ году принять на военную службу и въ настоящее время на него надвигается гоненіе отъ сильныхъ міра сего за исполненіе заповѣдей, данныхъ намъ Исусомъ Христомъ.

Чтобы яснѣе изложить Вамъ мое повѣствованіе, я вкратцѣ коснусь его біографіи. Братъ мой, Иванъ Митрофановичъ Баладинъ, родился и выросъ среди темнаго люда, ничего не понимающаго о жизни и не задумывающагося о томъ, какъ устроить жизнь чистую и справедливую. Но онъ съ ранняго дѣтства былъ впечатлительный, читалъ много книгъ разныхъ писателей, что и толкнуло его на вопросъ: что такое жизнь и для чего она? И вотъ онъ началъ разбираться въ жизни, задумываясь надъ тѣмъ, отъ чего люди живутъ такъ худо и какаѣсть преграда, удерживающая людей въ этой жизни и не пускающая ихъ къ жизни настоящей. Но благодаря хорошимъ сочиненіямъ, преграда эта

была найдена. Она состояла въ томъ, что наша крестьянская масса брошена на произволъ судьбы безъ свѣта просвѣщенія, что люди не знаютъ истиннаго Бога и прямой смыслъ ученія Христа намъ не проповѣдуется, а проповѣдуется кѣмъ-то перетолкованный и искаженный.

И вотъ за годъ до призыва онъ взялся за Евангеліе. Прочитавъ Евангеліе отъ Матѳея и проч. евангелистовъ, онъ ясно увидѣлъ, отчего происходятъ всѣ бѣды и несчастія. Людей никто не выводитъ изъ сознанія животнаго. Особенное вліяніе на него произвела Нагорная проповѣдь, гдѣ дана Христомъ заповѣдь о клятвѣ (Мѳ., 5 гл., ст. 34—37), и о непротивленіи злу (ст. 39). Усвоивъ это, онъ рѣшилъ не отступать отъ этихъ великихъ словъ.

Въ ноябрѣ 1908 г. онъ былъ призванъ по воинской повинности въ присутствіе; при приѣмѣ онъ не протестовалъ, такъ какъ не находилъ это противнымъ Евангелію, а исполнялъ заповѣдь непротивленія злу. На слѣдующій день, когда приняли нужное количество молодыхъ людей, повели ихъ въ церковь къ присягѣ. Священникъ, отворивъ царскія двери, вынесъ крестъ и Евангеліе, то самое, въ которомъ Христосъ сказалъ: не клянись вовсе; положивъ на аналой, онъ обратился къ новобранцамъ: поднимите правую руку, сложенную крестомъ и повторяйте за мной тѣ слова, которыя буду говорить. Въ это время, пробившись сквозь толпу новобранцевъ, Иванъ предсталъ передъ священникомъ и сказалъ слѣдующее:—Я, батюшка, какъ христіанинъ, не могу клясться! Такъ какъ въ Евангеліи отъ Матѳея въ 5 главѣ, 34 стихъ Христосъ сказалъ: А я говорю вамъ: не клянись вовсе, ни небомъ, потому что оно престолъ Божій... Священникъ стоялъ молча, вѣроятно это явленіе поразило его, и вотъ они оба стоятъ другъ противъ друга. Не знаю, что сказалъ бы священникъ или иѣтъ, но близъ стоявшій уѣздный исправникъ вывелъ его изъ неловкаго положенія, сказавъ новобранцу: не желаешь, отойди. Онъ повиновался, отошелъ на сторону, гдѣ стоялъ исправникъ и прочее начальство. Священникъ началъ читать присягу другимъ новобранцамъ, которые, не понимая ея грѣховности, бессознательно повторяли слова, произносимыя священникомъ. Исправникъ въ это время обратился къ Ивану съ такими словами: на чемъ вы основываетесь? Иванъ отвѣчалъ: мое убѣжденіе чисто религіозное.—Такъ слушайте, все-таки, въѣдъ нельзя же такъ,—сказалъ исправникъ. Иванъ началъ говорить ему ст. 33 и 34, 5 гл. отъ Матѳея, но исправникъ остановилъ его словами: довольно, довольно! Исправникъ и еще какой-то господинъ, поговоривъ что-то, сходили въ алтарь, вѣроятно, справится въ Евангеліи о слышанныхъ ими словахъ отъ новобранца. Потомъ записали № жребія, имя и фамилію. Иванъ спросилъ исправника: что мнѣ прикажете, подождать? И получивъ отвѣтъ: подожди, онъ остался въ церкви. Новобранцы тѣмъ временемъ цѣловали крестъ и Евангеліе со словами «клянусь», какъ имъ приказывали, и выходили получать отпускные билеты. Иванъ остался почти одинъ и былъ позванъ урядникомъ получить билетъ, какъ и всѣ. Получивъ билетъ, онъ, къ удивленію всѣхъ знающихъ его намѣреніе, былъ отпущенъ домоп.

Кончивъ срокъ отпуска, онъ явился на сборный пунктъ въ уѣздный городъ и былъ назначенъ во флотъ и отправленъ въ г. Петербургъ, тамъ изъ флота его исключили и назначили въ 87 пѣх. Нейшлотскій полкъ въ 15-ю роту, расположенный въ г. Новгородѣ. Оттуда онъ намъ пишетъ слѣдующее: «Остаюсь такимъ же, какимъ былъ, отъ занятій съ ружьемъ отказался, хотя на занятія гоняютъ, но ружья не беру, до сихъ поръ нахожусь въ ротѣ, никакихъ мѣръ еще не принимаютъ. Ротный относится пока гуманно. Смотрятъ, какъ ротный, такъ и прочіе офицеры съ религіозной стороны, пока ничего не примѣшиваютъ. Водили также и къ священнику, но что говорилъ священникъ, пока неизвѣстно. Спрашивали многіе офицеры и командиръ полка. Приѣзжалъ командиръ корпуса и спрашивалъ меня слѣдующими словами: Что ты, православный?—Такъ точно!—Въ Бога вѣруешь?—Такъ точно.—Крестъ на тебѣ есть?—Такъ точно.—Покажи.—Потомъ—Иди на мѣсто. Таковы были наши слова. Пока ничего неизвѣстно, но, говорятъ, ротнымъ написанъ рапортъ, который, говорятъ, пойдетъ на высочайшее имя».

Въ виду вышеизложеннаго покорнѣйше прошу Васъ, уважаемый Левъ Николаевичъ, принять участіе въ дальнейшей судьбѣ брата, защитить его отъ несправедливыхъ униженій и наглыхъ оскорбленій, каковыя, вѣроятно, въ скоромъ времени будутъ надъ нимъ учинены.

Уважаемый Левъ Николаевичъ, мы питаемъ надежду, если только дойдетъ наше къ Вамъ письмо, что Вы обра-

тите благосклонное вниманіе на настоящее дѣло и посодѣйствуете въ печати. Я убѣжденъ, что Ваши слова въ печати, какъ геніальнаго писателя, будутъ имѣть большое значеніе. Надѣюсь, если будетъ нужно, не откажете въ моей просьбѣ обратиться письменно или лично къ тѣмъ, въ чьи руки будетъ передана судьба брата.

Еще прошу Васъ, уважаемый Левъ Николаевичъ, если возможно, то осчастливьте меня маленькимъ отвѣтомъ, дабы я могъ знать, что мое письмо дошло до Васъ благополучно.

Съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ пребываю, покорный Вашъ слуга кр. Пермской губ., Шадринскаго уѣзда Осиновской вол., дер. Колбычевой.

Антонъ Митрофановичъ Баландинъ.

Отвѣтъ Л. Н. Толстого А. М. Баландину.

Ясная Поляна, 30 апрѣля 1909 г.

Антонъ Митрофановичъ.

Очень благодарю васъ за интересное и близкое моему сердцу извѣстіе, которое вы мнѣ передали о поступкѣ вашего брата. По тому, что вы пишете, видно, что онъ человѣкъ, который серьезно относится къ вопросамъ вѣры. Помогай ему Богъ въ томъ трудномъ испытаніи, которое предстоитъ ему. Пожалуйста, пишите мнѣ о дальнѣйшей его судьбѣ; очень былъ бы радъ чѣмъ-нибудь быть полезнымъ ему.

Вы пишете о томъ, чтобы посодѣйствовать ему въ печати. Это немисливо, потому что всякія свѣдѣнія, касающіяся отказовъ, старательно запрещаются. Впрочемъ, если вы мнѣ это напишете и братъ вашъ найдетъ это нужнымъ и если мнѣ это будетъ возможно, я готовъ и писать тѣмъ людямъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть судьба вашего брата, прося ихъ облегчить его положеніе, хотя едва ли такое обращеніе поведетъ къ чему-нибудь.

Левъ Толстой.

Отъ редакціи. Въ нашемъ распоряженіи находятся въ высшей степени интересныя воспоминанія Ивана Митр. Баландина о томъ, какъ онъ дошелъ до мысли объ отказѣ отъ воинской повинности. Надѣмся напечатать ихъ въ одномъ изъ нашихъ дальнѣйшихъ выпусковъ.

IV.

Бесѣда съ Мишей Неизвѣстнымъ, заключеннымъ въ Колмовскомъ сумасшедшемъ домѣ*).

(Изъ записной книжки).

Я. Не приходится ли тебѣ, братъ, впадать въ раздраженіе, испытывать злобу, уныніе при видѣ того, что тебя окружаетъ: сквернословіе, брань, мелочность, вражда, драки, угнетенія? Вѣдь тебя окружаютъ сумасшедшіе люди, чаще всего и нравственно испорченные. Помню, когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, то нерѣдко впадалъ въ такія состоянія и только временами я возвышался настолько надъ внѣшними обстоятельствами, что не замѣчалъ ни стѣнъ каменныхъ, замкнутыхъ тяжелой дверью, тяжелымъ засовомъ, ни солдата съ револьверомъ, стоящаго у дверей, ни злобы товарищей; тогда я чувствовалъ себя свободнымъ и независимымъ. Но эти блаженныя состоянія были временами и уступали мѣсто унынію и даже злобѣ.

Развѣ не бываетъ, что тебѣ, братъ, хотѣлось бы уйти отсюда?

Миша. Не хочу я уйти отсюда до тѣхъ поръ, пока нужно, чтобы я былъ тутъ (въ сумасшедшемъ домѣ). Зачѣмъ? Ты говоришь: злые люди, сквернословіе... Но все это мнѣ не можетъ помѣшать жить для Бога, напротивъ, только помогаетъ. Христіанину должно всегда бороться съ грѣхомъ. Тебя сердятъ—старайся вспомнить, для чего ты живешь, и не злись. Угнетаютъ?—но грѣшникъ можетъ всегда покаяться и исправиться, а ты старайся ему помочь въ этомъ; а главное, самъ не соблазняйся, а борись, всегда борись; только тогда ты получишь отъ Господа вѣнецъ славы нетлѣнный. Вѣдь царь не станетъ награждать солдата, стоящаго на безопасномъ мѣстѣ; онъ наградитъ только того, кто стоитъ въ опасности, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и грохотомъ пушечныхъ ядеръ, будетъ стоять на своемъ дѣлѣ и не отступать, только тогда царь наградитъ. Такъ и Царь небесный награждаетъ вѣнцомъ нетлѣп-

нымъ только того, кто не бѣжитъ отъ соблазновъ, а всегда борется съ ними.

Я. Чувствую, что ты правду говоришь, братъ. А скажи мнѣ, что ты разумѣешь подъ словами «вѣнецъ славы нетлѣнный»?

Миша. А радость божественная, неомрачающаяся.

Я спросилъ Мишу, не испытываетъ ли онъ временами, какъ это со мной бываетъ, сознаніе своего превосходства надъ окружающими. «Люди такъ глупы, неразумны, что не могутъ понять, что они—носители Божества, и потому дурно живутъ, а я вотъ понимаю и потому живу лучше».

Миша. Это гордость. Грѣхъ этотъ побуждается разумомъ, смиреніемъ. Разумъ—царь въ человѣкѣ, и его надо слушаться. Разумъ скажетъ тебѣ: не нужно гордиться, если есть въ тебѣ что хорошее, то оно отъ Господа. Все отъ Господа, и ничего нѣтъ твоего. Заботься о смиреніи. Вотъ, для чего-то старшій врачъ перемѣнилъ мое пальто: старое велѣлъ взять и дать новое (очевидно, старшій врачъ разобралъ, что тотъ, кого они записали «идіотомъ», оказался другимъ, и перемѣнили ему пальто. В. М.). А мнѣ старое лучше. Зачѣмъ выдѣляться? Вредно для души. Много разъ просилъ отдать мнѣ старое пальто, да не даютъ. Теперь, какъ придетъ старшій врачъ въ наше отдѣленіе, упаду ему въ ноги и буду просить старое пальто.

Такъ и во всемъ: не должно выдѣляться—это введетъ въ грѣхъ и тебя, и другихъ. Всегда помни, что ты—грѣшникъ человѣкъ, очень маленькій передъ Господомъ...

Дальше я заговорилъ съ Мишей о тѣхъ препятствіяхъ, которыя я встрѣчаю въ семьѣ, когда хочу освободиться отъ лишнихъ дѣлъ и вещей. Я спросилъ его: что дѣлать? Жить, какъ живу,—тяжело душѣ; перемѣнять жизнь—раздражаешь жену, уйти отъ семьи—грѣхъ, жаль.

Миша (подумавъ). Вотъ видишь, я что тебѣ на это скажу... Я уже давно думаю: человѣкъ неженатый скованъ страстями и соблазнами только по рукамъ, а женатый по рукамъ и по ногамъ. Сказалъ Христосъ: кто не оставитъ отца, мать, жену, дѣтей ради меня, тотъ не достоинъ меня.

Я. Но пойми же, братъ, что жаль мнѣ семью не изъ-за себя. Если бы я могъ очутиться и безъ жены, и безъ дома, и безъ всякаго имущества, то развѣ ты думаешь, что мнѣ стало бы хуже? Да оставшись ни съ чѣмъ, я вздохнулъ бы свободнѣе!..

Миша подумалъ и сказалъ: Нѣтъ, не должно тебѣ оставлять семью. Это кому какъ. Тебѣ не должно оставлять. Не ищи себѣ наружной свободы, ищи—душевной. Я такъ думаю: если тебѣ во всемъ хорошо, все идетъ гладко, то отъ тебя ушелъ Богъ, или тебя ждетъ впереди горькое. Почему знать,—я никому не говорилъ, а тебѣ скажу,—можетъ и я, когда жилъ богаче каждаго, можетъ и у меня была жена, дѣти... (Спохватившись): А можетъ я былъ воромъ или разбойникомъ... Никто не знаетъ... Можетъ когда и узнаютъ...

Въ концѣ бесѣды, когда я заторопился домой, Миша сказалъ: ты ради меня время тратишь, ты семейный, занятой. ищешь мнѣ книги... Не насилуй себя. Приходи только, когда тебѣ самому захочется, меня не жалѣй.

Мы простились, и я ушелъ въ какомъ-то восторженномъ оцѣпенѣніи передъ огромной духовной силой этого человѣка въ сумасшедшемъ домѣ.

Вл. Молочниковъ.

Двѣ свободы—ложная и истинная.

Обращеніе къ своимъ односельчанамъ.

Товарищи и братья. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы пользуемся «свободой» писать, говорить, выбираться въ разное начальство и комитеты, клеветать, сводить личные счеты и вообще подчинять эту внѣшнюю свободу своимъ цѣлямъ, интересамъ и планамъ. Но если спросить каждаго изъ насъ или задать самому себѣ вопросъ: доволенъ ли онъ этимъ временемъ и свободой, т.-е. ея результатами, то я не ошибусь, если отвѣчу за многихъ: «Нѣтъ, недоволенъ», «доволенъ, да не совѣмъ», «доволенъ постольку, поскольку» и т. д. И на повѣрку оказывается, что враги внѣшніе еще не сокрушены, да и врядъ ли будутъ сокрушены, враговъ внутреннихъ развелось еще больше, то были только «жиды да кадеты», а теперь еще появились «большевики и анархисты», которые даже открыто убиваютъ и грабятъ, а о врагахъ личныхъ и говорить нечего, ихъ у каждаго не покладешь и въ мѣшокъ. Тотъ оказался спекулянтномъ и провокаторомъ, тотъ на разныхъ выборахъ подставилъ намъ ногу и самъ пролѣзъ на видное мѣсто и должность; тотъ

*) 28 Ноября 1909 г. Л. Н. Толстой написалъ В. А. Молочникову: «...Ваше же описаніе бесѣды съ Мишей прекрасно». Ред.

клеветой или выступилъ изъ друзей въ принципиальные противники, тотъ оказался социалистомъ не того сорта, тотъ сочинилъ не такую резолюцію, какую бы мы хотѣли и т. п. Всѣ подѣлились на партіи и группы, у всѣхъ образовались свои программы о будущемъ устройствѣ лучшей жизни, съ которыми каждая партія носится какъ съ какимъ-то откровениемъ, доказывая всѣмъ и всюду, что спасеніе только въ ней, только у нихъ, но хорошей-то, лучшей жизни все пока нѣтъ и нѣтъ, такъ какъ поводовъ ко всякому государственному, общественному и личному грѣху и зависти стало при этой внѣшней свободѣ еще больше, и она еще глубже и шире раздѣлила людей, наставивши новыхъ преградъ на пути мирной и любовной жизни. Каждому изъ насъ теперь кажется, что вотъ до этой-то лучшей и новой жизни остался только одинъ переходъ, только одно усиліе, что вотъ только бы дождался республики и Учредительнаго Собранія, вотъ только бы дождался осуществленія захватнаго права на земли и капиталы, обобществленія труда и орудій производства; что вотъ только бы не провалить своей программы или не провалиться самому на предстоящихъ выборахъ, только бы сокрушить враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, личныхъ и общественныхъ,—и тогда-то сразу и настанетъ та самая лучшая жизнь, о которой такъ долго мечтали. Но—увь, время идетъ, цѣли достиженія отодвигаются, измѣняются незамѣтно даже и самыя наши желанія и перспективы будущаго, а этой лучшей для всѣхъ жизни все нѣтъ и нѣтъ. Какъ миражъ въ пустынѣ, она уходитъ отъ насъ по мѣрѣ приближенія къ ней. Для Рима недоставало только одного: надо было разрушить Карфагенъ, для насъ же и нашего счастья нужно гораздо больше. Помимо сокрушенія нѣмецкаго милитаризма, еще надо будетъ одолѣть всѣхъ принципиальныхъ и дѣйствительныхъ враговъ и противниковъ, отъ расплывчатой буржуазіи и капиталистовъ до землевладѣльцевъ, большевиковъ и реакціонеровъ включительно.

Но однако, въ чемъ же дѣло, достигнемъ ли мы со своею революціей наконецъ того счастья и желаннаго дня, въ который бы всѣ могли успокоиться? Напрасныя мечты! Намѣтивши цѣль, мы идемъ къ ней самую дальнюю и непреходимой дорогой.

Я не скажу, что людямъ не надо собираться на митинги и собранія, не надо сочинять программъ и резолюцій, мечтая о лучшемъ будущемъ; не скажу, что республика хуже монархіи; не скажу, что не надо стремиться къ болѣе или менѣе равномерному распредѣленію земли и всѣхъ ея матеріальныхъ произведеній и благъ; но скажу увѣренно, что и полагать въ этомъ одномъ все спасеніе и вѣрить, что черезъ такія внѣшнія перемѣны на землю можетъ прійти миръ и благоволеніе и какая-то болѣе красивая и довольная жизнь—въ этомъ есть величайшее заблужденіе, ибо все внѣшнее, по приближенію къ нему, всегда оказывается или красивымъ мыльнымъ пузыремъ, или бездушнымъ истуканомъ.

Вѣдь мы не дѣти, чтобы не знать, что съ тѣхъ поръ, какъ люди знаютъ и помнятъ книжно и по преданіямъ исторію своихъ предковъ, они переживали всевозможныя формы общественной и государственной жизни, они знали родовое и племенное устройство, знали деспотіи древняго міра, имѣвшія страшную санкцію власти въ мистической религіи, знали всякія республики и олигархіи (т.-е. власть кучки), аристократизмъ и самодержавіе; давно уже знаютъ и деклараціи правъ человѣка, провозглашенныя въ Европѣ и Америкѣ; знали безчисленное множество конституцій, восторгались давнымъ-давно красивыми социалистическими утопіями (т.-е. несбыточными проектами устройства) всѣхъ временъ, начиная отъ философа Платона въ древней Греціи и кончая социалистомъ Беллами въ Америкѣ, въ 19-мъ вѣкѣ. Но до сихъ поръ не знали ни одного счастливаго народа и племени, который былъ бы доволенъ и счастливъ отъ своего внѣшняго государственнаго или общественнаго устройства. Даже такіе отдѣльные побѣдители и властители какъ Тамерланъ, Ксерксъ, Крезъ, Наполеонъ и Бисмаркъ или американскіе милліардеры—никто изъ нихъ никогда не были счастливы и довольны своей внѣшней удачей и положеніемъ. А такой истинный древній мудрецъ какъ библейскій Экклезиастъ, извѣдавшій въ полной мѣрѣ всѣ блага земли во внѣшнихъ ея проявленіяхъ, не могъ не воскликнуть со вздохомъ въ оцѣнкѣ этой жизни: «суета—суеть и всяческая суета!»

Да, все, все суета, въ томъ числѣ и самъ человѣкъ, если только онъ не носитъ въ себѣ частицы божескаго «я», дающей ему возможность любовно и благожелательно отно-

ситься ко всему живому и окружающему, терпѣливо и кротко переносить всѣ нападки и клеветы, обиды и оскорбленія, а главное не считать никакого положенія ни худшимъ ни лучшимъ. Никакое человѣческое устройство во внѣшнемъ не можетъ прибавить людямъ ихъ счастья, если они полагаютъ его только въ достиженіи мірскихъ цѣлей возвышенія, власти, богатства и славы, а потому и теперешняя свобода можетъ не только въ общемъ, для большинства, но и лично для cadaго оказаться мыльнымъ пузыремъ, лопающимся при одномъ къ нему прикосновеніи.

И чтобы не пришлось пережить жестокаго разочарованія, нужно заранѣе познать, что истинная свобода не въ томъ, къ чему люди теперь безудержно стремятся: не въ республикѣ и новомъ провозглашеніи бумажныхъ правъ на равенство и братство, не въ тѣхъ социалистическихъ программахъ и резолюціяхъ, которыя намъ навязываютъ разныя партіи, а только въ томъ личномъ самосовершенствованіи, воздержаніи и стремленіи духовномъ—отъ земли къ небу, при которомъ всѣ положенія мірской жизни одинаково пригодны для служенія Богу и ближнему, и нѣтъ въ нихъ мѣста ни зависти, ни мести, ни жаднѣ славы или богатства. „Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Ев. Ін. гл. 8, ст. 32). Не республика, не бумажныя права о свободахъ писать, говорить, собираться; не захватное право чужой собственности и труда, а только религіозная истина о томъ пути, по которому человѣкъ движется по дорогѣ къ первоисточнику жизни—къ Богу любви и милосердія, только знаніе этой истины и даетъ человѣку истинное благо и истинную свободу.

«Ищите прежде всего царствія Божія и правды Его,—говорилъ Христосъ,—и все сіе остальное (т.-е. внѣшняя жизнь и ея лучшее устройство) само приложится вамъ». (Ев. Мат. 6, 33).

И жутко и страшно становится за людей, когда подумаешь о томъ неизбежномъ для нихъ разочарованіи, которое придетъ къ нимъ само собой, когда горячка этой внѣшней свободы покажетъ имъ свою изнанку, когда чуть ли не всѣмъ ихъ надеждамъ на что-то лучшее придетъ конецъ только отъ того, что увлекшись исканіемъ «остального», того, что само прилагается къ познавшему истину, они забыли объ этой истинѣ, и внѣ ея подогрѣваютъ свои аппетиты внѣшнимъ революціоннымъ задоромъ, съ его неизбежными насиліями и ожесточеніемъ всѣхъ. Объ исканіи правды Божіей нѣтъ сейчасъ и рѣчи въ народѣ. Только одно низменное и матеріальное волнуетъ людей и раздѣляетъ на враждебныя другъ другу идеи и партіи. Люди пустились учить другъ друга, засыпая народъ массой ненужныхъ и вредныхъ для народнаго спокойствія листовъ и газетъ; многіе подкрашиваются подъ красное знамя революціи въ надеждѣ присосаться уже къ революціонному широгу и получить отъ него свои выгоды; многіе притворяются или заявляютъ себя социалистами, хотя всѣ чувствуютъ и знаютъ, что никто еще не доросъ нравственно до социализма и никто, кромѣ меньшей части населенія—неимущаго пролетаріата, даже ради опытовъ не захочетъ воплощать въ жизнь его положенія. Партійный социализмъ хоть и ошибочно идетъ къ своимъ цѣлямъ внѣшними переворотами, насильственнымъ захватнымъ образомъ, все же въ концѣ-концовъ имѣетъ свои высокія цѣли обобществленія владѣнія и пользованія всѣми матеріальными благами, но кто же изъ насъ готовъ имѣть все общее, а не личное—только для себя? Кто готовъ стать настоящимъ социалистомъ?

Но говоря о «настоящемъ», я долженъ оговориться, что настоящій социализмъ, т.-е. общность всего—имуществва, труда и интересовъ, я понимаю только въ христіанствѣ, помимо котораго эта общность никакъ не сможетъ ужиться среди людей, какъ только они захотятъ отъ словъ перейти къ дѣлу. «У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее, и никто не имѣлъ ни въ чемъ нужды», рассказывается въ Дѣян. Апостоловъ (гл. 2, ст. 32, 35). Здѣсь ясно и понятно, почему среди нихъ сталъ возможенъ социализмъ. Люди приняли вѣру Христа, вѣру свободнаго подчиненія своей волѣ—волѣ Бога, т.-е. перенесли центръ тяжести изъ своей личной жизни въ жизнь общую. Намъ же, матеріалистамъ и эгоистамъ, не имѣющимъ этой вѣры и боящимся переработать или переступить лишній шагъ для своего ближняго,—гдѣ же думать о настоящемъ социализмѣ! Социализмъ же внѣшній, социализмъ марксистовъ, основанный на захватномъ правѣ и насильственномъ перераспредѣленіи земли, капитала и орудій производства, исповѣдующій вѣру въ силу матеріи и отри-

дающий духовное начало въ человѣкѣ, считающій, что нравственность зависить отъ экономическихъ условий, — такой социализмъ безсилень устроить миръ и благополучіе на землѣ, и онъ не продержался бы между нами и одного года, если бы и установили его насильемъ; съ одной стороны — по нашему неумѣнью и нравственной неспособности совмѣщать свой личный интересъ съ интересами общими, а съ другой — по невозможности подчинить насилью душу и мысли человѣчества и сдѣлать ихъ всеобщими и равно пригодными; по невозможности уравнивать жизненную энергію отдѣльнаго человѣка и заставить одного — трудолюбиваго и энергичнаго стоять на одномъ мѣстѣ и не работать больше другихъ, а другого — лѣниваго и неспособнаго равняться въ работѣ со всѣми.

Помимо этого сама внѣшняя природа, находящаяся въ власти человѣка, сильно способствуетъ экономическому неравенству и раздѣленію. Ея неравный климатъ, неравная почва и растительность, не имѣющія никакой связи съ нашими потребностями и желаніями, — погода и дожди, — все это само собою раздѣляетъ людей экономически, давая въ руки однихъ удачу и прибыль, а въ руки другихъ — нужду и напрасный трудъ... И только искренне братскія отношенія могутъ уравнивать ихъ. Да и не можетъ быть прочнымъ то, что не имѣетъ опоры и основанія въ исповѣдуемой народомъ религіи, что противорѣчитъ въ корнѣ ея идеаламъ. А социализмъ марксистовъ какъ разъ и сталкивается съ основными христіанскими положеніями. Христосъ говоритъ: «Не прогнѣвайтесь злому зломъ». (Мѣ. V, 40). Лозунгомъ же социалистовъ есть призывъ къ борьбѣ, «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» и «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь», — и раздѣляетъ людей на враждующіе классы...

Исполнившему всѣ заповѣди, желающему большаго совершенства юношѣ Христосъ говоритъ: «поди и роздай имѣніе твое, а спорящему изъ-за верхней одежды: «отдай и рубаху» (Мѣ. 5, 41). Социализмъ же Маркса зоветъ не къ уступчивости и къ отдаванію своего — для этого нужна высокая степень нравственности, — но просто къ грубому захвату чужого. «Борись, отбирай и дѣли готовое» — вотъ его основаніе и приемы.

Материальное благополучіе прилагается христіанину къ честной трудовой и бережливой жизни. Марксисту же не нужно личнаго совершенства и упорнаго труда и бережливости, ему лишь нужно ловкость въ борьбѣ и смѣлость и дерзость, чтобы отбирать и дѣлить по усмотрѣнію своей организаціи.

И такая-то невзыскательная и незамысловатая «этика» революціонеровъ нашла и находитъ теперь для своего распространенія безчисленное множество сторонниковъ и о ней кричатъ на всѣхъ перекресткахъ.

«Мы — социалисты-революціонеры», «мы — социалисты-коммунисты», «мы социаль-демократы большевики», «мы — меньшевики», «мы — народные социалисты», «мы — максималисты» и т. д., такіе или иные, но непременно социалисты. Даже серьезные люди, раньше смотрѣвшіе на социализмъ, какъ на утопію, и социалистовъ считавшіе задорными ребятами, задумавшими взлѣзть на небо — и тѣ въ угоду ли толпы, или увлекшись общимъ настроеніемъ — стали социалистами «на часъ» и примкнули къ той или иной партіи. Независимыхъ партій — людей съ самостоятельными мыслями и упованіями человѣка, помнящаго о душѣ, о Богѣ — такихъ не слышно и не видно по крайней мѣрѣ у насъ, среди нашего мѣстнаго населенія. Стали лишь партіи, враждующія между собою изъ-за власти надъ толпой. Отъ себя, отъ собственной души и сердца разучились говорить и если говорятъ, то непременно только отъ партіи. «Наша партія», «въ нашей партіи», «наша партійная программа» и т. п. Что думаетъ дѣлать Семенъ или Иванъ, чѣмъ и какъ намѣренъ служить Богу и людямъ? — это стало совершенно праздною вопросомъ. Важно лишь то, что думаетъ и предполагаетъ дѣлать партія, точно «партія» имѣетъ свой особенный мозгъ и голову, которымъ она можетъ работать и думать за всѣхъ этихъ Семеновъ и Ивановъ. Ко всѣмъ чтимымъ толпою идоламъ и кумирамъ прибавился новый кумиръ — «партія», который съ мѣста въ карьеръ, какъ и всѣ кумиры, чтобы отвлечь людей отъ спасенія собственной души и грѣховъ жизни, выбросилъ новые лозунги спасенія свободы, спасенія революціи. Три года забывшими Бога людьми командуетъ дьяволъ, заставляя ихъ убивать другъ друга, корчиться отъ ранъ, голодать и переносить всевозможныя бѣдствія, и когда имъ надобно страдать за лозунги, за «возстановленіе Сербіи и Бельгіи», за «проливы и Константинополь», за «сокрушеніе нѣмецкаго милитаризма», за «войну до полной побѣды»,

за «миръ безъ аннексій и контрибуцій», за «Эльзасъ-Лотарингію», за «ненарушеніе международныхъ договоровъ», за «освобожденіе Арменіи и Галиціи», за «освобожденіе славянства отъ тевтоновъ» вообще и т. п. и т. п. — дьяволъ снова перемѣнилъ колоду картъ и выдвинулъ новые звучные лозунги: «война за спасеніе революціи», «война за спасеніе свободы», «война за спасеніе родины», а сами рвутъ эту родину и ея достояніе на части... И эта послѣдняя война изъ-за послѣднихъ лозунговъ обѣщаетъ принести людямъ еще большія бѣдствія, увеличивая и безъ того огромное поле вражды и насилія.

Обманутые своими кумирами и вожаками и гоняясь и борясь кровавымъ боемъ изъ-за призрачной внѣшней свободы, люди утратили понятіе о свободѣ внутренней, о той истинной духовной свободѣ, которая только одна движетъ и руководитъ жизнью человѣка, заставляя его наилучшимъ образомъ устроить и внѣшнюю его жизнь въ окружающихъ его условіяхъ и обстановкѣ. «Царство Божіе нудится», т. е. добрая счастливая жизнь добывается личными усиліями и только «употребляющіе усиліе восхищаются его», — сказалъ Христосъ. (Мѣ. XI, XII). А людская толпа, повѣривъ своимъ вожакамъ, разныхъ сортовъ социалистамъ, забыла объ совершенствованіи самого себя, объ усиліяхъ ко всему доброму въ своей личной жизни, о томъ, что все зло и добро находятся только въ самомъ человѣкѣ, пустились борьбою, враждою и произволомъ устанавливать себѣ призрачную свободу, надѣясь въ то же время, что кто-то другой, какая-то партія и власть устроятъ имъ хорошую и добрую жизнь, т. е. устроятъ имъ рай на землѣ. И даже умнѣйшіе изъ нихъ забыли то, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ при всякихъ государственныхъ порядкахъ, тотъ, кто имѣлъ въ себѣ больше внутренней свободы, неразрывно связанной съ вытекающими изъ нея стремленіями къ трезвости, трудолюбію, бережливости, — всегда лучше всѣхъ другихъ устроивалъ и свою внѣшнюю материальную жизнь, какъ наши сектанты, англійскіе квакеры, австрійскіе назарены, нѣмецкіе баптисты, герингутеры, менониты, русскіе духоборы, штундисты, пашковцы, молокане и т. п. Но люди будто забыли объ этомъ и охваченные общей заразой политической агитаціи стараются примкнуть къ партіямъ — и послѣднее время даже изъ среды сектантовъ и, что такъ же удивительно и печально, — недавно еще союзъ кооператоровъ тоже счелъ нужнымъ взяться за политику и за пропаганду той или иной программы, надѣясь осуществленіемъ ея уравнивать материально людей и заставить ихъ жить по одинаковому шаблону. Даже крестьяне — большинство — всегда и вездѣ стоявшіе далеко отъ политическихъ перемѣнъ и революцій и по опыту знавшіе, что всякое правительство и «государственный строй» одинаково существуетъ только для того, чтобы собирать съ нихъ подати — даже они теперь увлекаются разными партійными лозунгами. И, если къ нимъ въ деревню залетаетъ какой-либо партійный агитаторъ, они прежде всего ставятъ ему вопросъ: «а какая твоя партія, а что она говоритъ о землѣ?»...

Но когда имъ придется за даровую землю, обѣщанную социалистами, выплачивать невѣроятные налоги, чтобы покрыть военные расходы и займы — только тогда они поймутъ, что земля эта обойдется имъ въ десять разъ дороже того, чѣмъ если бы имъ пришлось покупать ее прямо безъ всякой борьбы отъ частныхъ землевладѣльцевъ. Пойметъ тогда и весь народъ вообще, что вся эта борьба за всѣ тѣ внѣшнія экономическія улучшенія и реформы, добываемыя имъ теперь кровавой борьбой за «землю и волю» (не говоря уже о напрасно пролитой крови и всѣхъ ужасныхъ преступленіяхъ) — что легче и проще можно было бы добыть мирнымъ путемъ улучшенія своей личной, семейной и общественной жизни, на основаніи добровольныхъ уговоровъ съ сосѣдями.

Товарищи и братья! Остановимся на минуту въ борьбѣ и погонѣ за материальной наживой. Переберемъ въ памяти всѣ тѣ огорченія, обиды и клеветы, которыя каждому уже пришлось вынести и пережить за эти дни и мѣсяцы! Бросимъ пустяныя надежды на что-то лучшее и прочное, что будто бы можетъ придти къ намъ черезъ другихъ людей и помимо нашихъ нравственныхъ усилій и стараній! Вспомнимъ о Христѣ и пойдемъ за нимъ добывать истинную свободу, всѣмъ и каждому доступную и возможную, и будемъ искать Царствія Божія прежде всего — внутри насъ самихъ. Вы убѣдитесь, что намъ не придется тогда переживать жестокихъ разочарованій, неизбежныхъ для всѣхъ тѣхъ, кто увлекся сейчасъ партійными или правительственными обѣщаніями и черезъ нихъ надѣется получить свое благо. Въ дѣйствіи никакая революція, никакая борьба за бумажныя права и

свободы, ни захватное право не спасутъ отъ развала всей нашей народной жизни. Оно—спасение наше—въ томъ духовномъ устремленіи человѣка отъ земли къ небу, въ которомъ каждой отдѣльной душѣ человѣческой свойственно и неизбежно выискывать кратчайшіе пути единенія съ своимъ Богомъ—Отцомъ всѣхъ людей, и нашими братьями-людьми—кто бы они ни были, безъ различія племени, вѣры или сословія... И на этомъ одномъ пути для вѣрующихъ въ Него не бываетъ неудачъ и разочарованій.

«Я есмь путь, истина и жизнь», сказалъ Христосъ. И если въ насъ не совѣмъ еще очерствѣло сердце, мы бросимъ ложный путь и вступимъ на этотъ единый, истинный путь, указанный нашимъ великимъ учителемъ жизни.

Октябрь 1917 г.

Крест. М. Новиковъ.

Вѣчная Антигона

(Обращеніе къ женщинамъ).

Замѣтка отъ Редакціи.

Печатаемое ниже обращеніе къ женщинамъ написано извѣстнымъ современнѣмъ французскимъ писателемъ Ромэномъ Ролланомъ, являющимся во многомъ единомышленникомъ Л. Н. Толстого*). Съ самаго начала нынѣшней ужасной войны Ролланъ неоднократно возвышалъ противъ нея голосъ, тѣсно призывая своихъ соотечественниковъ видѣть въ нѣмцахъ такихъ же людей, какъ и они сами. Своими призывами и протестами онъ вызвалъ негодованіе французовъ и, убѣдившись въ тщетности своихъ попытокъ повліять на нихъ, самъ уѣхалъ изъ родной Франціи въ нейтральную Швейцарію.

Помѣщаемое здѣсь его воззваніе было обращено имъ къ собравшемуся въ 1915 году въ Гаагѣ Международному Женскому Конгрессу и напечатано въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Къ постоянному миру. Отчетъ о Женскомъ Международномъ Конгрессѣ въ Гаагѣ—съ 28 апрѣля по 1 мая 1915 г.» (изданіе Британскаго Комитета Конгресса, Лондонъ, июнь 1915).

Посылая Женскому Конгрессу эти прочувствованныя слова, Ромэнь Ролланъ ясно далъ понять, что обращается онъ не къ англійскимъ женщинамъ или къ суфражисткамъ, какъ таковымъ, и даже не къ Гаагскому Конгрессу, а къ женщинамъ всего міра.

Я убѣжденъ, что наиболѣе могущественная и единственно дѣйствительная сила, какая есть въ нашемъ распоряженіи—въ распоряженіи насъ всѣхъ—мужчинъ и женщинъ,—это личные поступки, личное вліяніе человѣка на человѣка, души на души, воздѣйствіе путемъ слова, личнаго примѣра, всего своего существа. И этой силой вы, женщины Европы, не пользуетесь въ достаточной мѣрѣ.

Нынѣ вы пытаетесь поднять голосъ протеста противъ чудовища, пожирающаго міръ, вы хотите побороть войну. Это хорошо, но только поздно. Настоящую войну вы могли и должны были побороть въ сердцахъ воюющихъ раньше, чѣмъ она разразилась. Вы не достаточно знаете, какую власть вы имѣете надъ нами. Матери, сестры, товарищи, подруги и возлюбленныя,—отъ васъ зависитъ, если вы этого дѣйствительно хотите, сдѣлать мужчину тѣмъ или инымъ. Его душа въ вашихъ рукахъ, пока онъ ребенокъ, а возлѣ женщины, которую онъ почитаетъ и любитъ, мужчина всегда ребенокъ. Почему же вы не руководите имъ!

Про себя лично, если мнѣ позволено будетъ привести личный примѣръ, я скажу, что всѣмъ лучшимъ, что во мнѣ есть, я обязанъ нѣсколькимъ изъ васъ. Если я смогъ сохранить среди этого вихря страстей мою непоколебимую вѣру въ братство людей, мою любовь къ Любви и мою ненависть къ Ненависти (этого отрицанія всего), то это заслуга нѣсколькихъ женщинъ, изъ которыхъ назову двухъ: мою мать, истинную христіанку, которая съ дѣтства внушила мнѣ любовь къ вѣчному; и великую европейскую женщину Мальвиду фонъ-Мейзенбургъ—эту чистую идеалистку, ясная старость которой была другомъ моей юности.

Если одна женщина можетъ такимъ образомъ спасти душу мужчины, то почему же вы не спасете ихъ всѣ? Безъ сомнѣнія потому, что еще слишкомъ немногія среди васъ спасли самихъ себя. Начинайте же съ этого.

Самое важное и настоятельное сейчасъ не въ завоеваніи политическихъ правъ (хотя я вполнѣ признаю практическое значеніе такого завоеванія). Самое главное сейчасъ для васъ это—завоевать самихъ себя. Перестаньте быть тѣнью муж-

чины, подголоскомъ его страстей, гордыни и разрушенія. Имѣйте ясное сознаніе братскаго долга состраданія, взаимопомощи и единенія всѣхъ людей, этого высшаго закона, который предписываетъ вѣрующимъ голосъ Христа, а свободомыслящимъ—свободный разумъ. Вѣдь сколько изъ васъ въ Европѣ (и даже въ вашей странѣ, въ вашей собственной партіи, англійскія суфражистки!) захвачены тѣмъ же самымъ вихремъ, который увлекаетъ умы мужчинъ, и, вмѣсто того, чтобы просвѣтить ихъ, сами лишь увеличиваютъ мировую горячку!

Добейтесь мира въ себѣ прежде всего. Вырвите изъ своей души духъ слѣпой вражды. Не вмѣшивайтесь въ борьбу. Не воюя съ войной, уничтожьте вы войну, а предохраняя прежде всего отъ войны ваше сердце, спасая отъ пожара войны будущее, которое лежитъ въ васъ. На каждое слово ненависти между воюющими отвѣчайте актомъ состраданія и любви ко всѣмъ жертвамъ войны. Будьте однимъ своимъ присутствіемъ—спокойнымъ отрицаніемъ заблужденія страстей. Будьте тѣмъ свидѣтелемъ, яснымъ и полнымъ состраданія взглядъ котораго заставляетъ человѣка стыдиться своего неразумія. Будьте живымъ отличительнымъ миромъ среди войны, вѣчной Антигоной, которая отказывается отъ ненависти и не дѣлаетъ различія между братьями и врагами, когда они страдаютъ.

Ромэнь Ролланъ.

Обращеніе къ братьямъ-единомышленникамъ, увлекающимся политикой міра.

Въ мірѣ царствуетъ духъ себялюбія, выгоды, раздѣленія, вражды. И если отдѣльныя личности, группы людей или же государства иногда какъ-будто и соединяются, то къ этому ихъ побуждаетъ не взаимная, безкорыстная любовь (конечно, есть исключенія), а лишь выгода. Кончается выгода, кончается и союзъ, и вчерашніе друзья, сегодня—враги, и наоборотъ. Этотъ духъ проникаетъ весь міръ, и онъ-то и есть причина войнъ.

Апостолъ говоритъ, что міръ лежитъ во злѣ. Въ деревнѣ простые люди говорятъ: за грѣхи наши послана война.—Это глубокія слова. Души людей поработены духомъ зла. Отъ этого рабства освобождаетъ только познаніе истины, которая дѣлаетъ человѣка свободнымъ.

Въ наши дни русскіе люди ликуютъ, что добились свободы, и другіе народы призываютъ къ ней. Россія превозносится, что совершила великое дѣло освобожденія отъ внѣшнихъ оковъ зла. Но во внутренней, глубокой сущности люди русскіе, какъ и весь остальной міръ, попрежнему остались рабами,—рабами страстей своихъ, такъ какъ свободу духовную даетъ только истина—Христосъ. Нѣкоторые изъ васъ думаютъ, что призывая и германскій народъ къ тому, чтобы онъ сбросилъ съ себя иго Вильгельма и Ко—нѣмцы сдѣлаются свободнымъ народомъ, тогда-де во всѣхъ государствахъ восторжествуетъ демократія и мы установимъ миръ. Насъ, будто бы, направляютъ другъ на друга цари и правители, а свергнуть ихъ власть, мы въ концѣ концовъ добьемся Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и тогда не будетъ больше войнъ. Но вѣдь войны порождаются духомъ зла, царствующимъ въ мірѣ. Цари и правители не больше каждаго изъ насъ виновны въ войнахъ. Даже можетъ быть каждый изъ насъ больше виновенъ, чѣмъ Вильгельмъ, Николай и др. правители, потому что всѣ наши грѣхи и беззаконія сосредоточились въ нихъ, въ царяхъ и правителяхъ—по нашей винѣ. Зачѣмъ же такая ненависть къ нимъ? Духъ, поработившій насъ, всегда заставляетъ насъ свою вину перекладывать на другихъ. И такъ, пока люди поработены духу зла, при всякомъ государственномъ строѣ будутъ войны, вражда и борьба.—только руководители формы борьбы измѣнятся. Мира не можетъ быть, пока въ душахъ у людей нѣтъ его, потому что при отсутствіи мира душевнаго тамъ гнѣздится взаимное недоверіе, подозрительность, обманъ, ненависть...

Теперь въ Россіи среди солдатъ и рабочихъ создается теченіе противъ войны. Это потому, что тѣ и другіе сознали, что продолженіе войны выгодно богатымъ классамъ, а они только жертвы приносятъ. А коснись интересовъ тѣхъ же рабочихъ и солдатъ, и они готовы лить и чужую и свою кровь. Значитъ и при всякомъ строѣ противоположность интересовъ заставитъ людей набрасываться другъ на друга, какъ дикихъ звѣрей... Потому-то мнѣ жалко и непонятно желаніе нѣкоторыхъ братьевъ нашихъ вмѣшаться въ жизнь бурнаго, поработеннаго думомъ зла міра—

міра—море. Жизнь моря—теченія морскія, бури и т. д.—совершается по извѣстнымъ законамъ, которыхъ ничто и никто не можетъ измѣнить. Жизнь міра тоже не зря идетъ: она совершается по непреложнымъ законамъ, измѣнить которые никто не въ силахъ.

Когда что-нибудь происходитъ въ мірѣ, то мы привыкли находить только ближайшія причины и ближайшихъ виновниковъ совершающагося и съ этой точки зрѣнія осуждаемъ данное событіе, выводимъ заключенія и опредѣляемъ то или иное отношеніе къ нему. Но это ошибочно. Мы не можемъ знать, когда началось совершаться оно, какъ не знаемъ всѣхъ его причинъ и всѣхъ участниковъ. Мы склонны всегда обвинять ближайшихъ виновниковъ. А они, эти жалкіе, безвольные рабы страстей—не могли вѣдь иначе поступить, сами того можетъ быть не подозревая, какъ не можетъ волна, подгоняемая сзади другими волнами и вѣтромъ, вернуться назадъ или повернуть въ сторону. Нельзя никакими способами остановить или измѣнить теченія міра. И только одна истина—голосъ Христа въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ—можетъ все сразу остановить и освободить его отъ рабства. Только она, какъ безусловная сѣть, можетъ спасти каждаго отдѣльнаго человѣка, бѣшено несущагося по пѣнящимся и страшно бушующимъ волнамъ міра. Только она, святая Небесная истина Отца нашего Небеснаго, освобождаетъ человѣка отъ

*) Еще въ 1885 году, будучи 19-лѣтнимъ юношей, Ролланъ обратился ко Льву Николаевичу съ письмомъ по вопросу о ручномъ трудѣ. Извѣстный отвѣтъ Л. Н.-ча на это письмо печатается въ его сочиненіяхъ подъ заглавіемъ—«О ручномъ трудѣ» (Письмо къ французцу).—Въ лучшемъ своемъ художественномъ произведеніи, въ романѣ «Жанъ-Кристофъ» Ролланъ неоднократно отзывался о Толстомъ; кромѣ того, вскорѣ послѣ смерти Л. Н.-ча, онъ издалъ о немъ книгу («Жизнь Толстого»), являющуюся одной изъ наиболѣе тонкихъ и сочувственныхъ биографій Л. Н.-ча.—См. еще книгу М. Алданова—«Толстой и Ролланъ», т. I, Петроградъ, 1915.

всего и вливаетъ въ его душу неизреченный свѣтъ любви и радости совершенной, передъ которой все ничто.

Братья, зачѣмъ же вы хотите броситься въ пучину бушующаго моря? Оно васъ изломаетъ и погубитъ. Да и что вы тамъ можете измѣнить? Все въ немъ совершается по непреложнымъ законамъ. Вы, которымъ открыта Истина—«вы—соль міра». Но сила соли каждаго изъ васъ равна не болѣе одной ложкѣ соли въ сравненіи съ необъятнымъ океаномъ, и болѣе того намъ не дано. И солью этой мы можемъ сдѣлать соленой очень небольшое количество — пригоршню воды и только такая задача намъ по силамъ. Не будемъ же растрчивать данной намъ силы въ пучинѣ морской, въ которой она растаетъ безслѣдно.

Вы, обладатели сѣмянъ Истины, не развѣвайте же ихъ зря по чисту полю, невспаханному и заросшему бурьяномъ, но сосредоточьте ихъ на томъ ближайшемъ участкѣ нивы Божіей, которая лежитъ около васъ, доступно вамъ, и ждетъ вашей работы, т. е. посѣва братской любви въ душахъ народныхъ, жаждущихъ познанія истины. И посѣвъ вашъ современемъ дастъ благіе всходы и поможетъ установить на землѣ истинный миръ и въ человѣкахъ благоволеніе.

К. Коношевичъ.

Возстаніе въ Москвѣ.

(Встрѣчи и переживанія).

Девъ вѣсти.

Третья лекція изъ серіи вечеровъ «Благовѣсть вѣчнаго міра» подходила къ концу; послѣднія слова «Благовѣста» были досказаны подъ звуки ружейныхъ выстрѣловъ и трескотню пулеметовъ. Замолкла благая вѣсть о правдѣ горней, о свѣтлой радости, о любви, которая одна только спасетъ міръ... и доносившееся до насъ далекое уханье орудій какъ-будто было злостью вѣстью о попраніи добра, объ оскуднѣніи вѣры въ силу любви, о предстоящемъ братоубійствѣ.

Наступила ночь.

Когда я возвращался домой, было тихо. Среди ночи меня разбудила жена.

«Послушай, что только дѣлается».

Съ улицы доносилось рѣзкое щелканье винтовокъ, тревожные крики людскіе, шумъ мчащихся автомобилей.

Горькое чувство овладѣло мною. Было тяжело видѣть, что люди, дѣти Божьи, оказываются способными цѣлиться въ своихъ братьевъ, которые также думаютъ, чувствуютъ, также способны радоваться, страдать, любить... Въ эту ночь мнѣ особенно ясно стало, что не только насиліемъ нельзя улучшить жизнь, но жизнь наша становится тѣмъ хуже, чѣмъ больше вложено въ нее насилія. Вспоминается сказка: одинъ богатырь легъ въ гробъ и потомъ когда захотѣлъ вылѣзти оттуда, не могъ приподнять крышку съ гроба. Другой богатырь, желая освободить его, рѣшилъ разбить гробовую крышку своимъ мечемъ. Ударилъ по гробу—откуда ни возьмись обручъ желѣзный обоясалъ гробъ; ударилъ сильнѣе, появилось два обруча; сталь еще бить и совсѣмъ заковалъ въ гробу своего друга. Такъ и мы: видимъ, что жизнь наша плохая, и хотимъ внѣшней грубой силой исправить ее, а выходитъ еще хуже.

Что посяжно...

Слушаю уличную палубу и вспоминаю часто слышанныя мною слова «резвыхъ» людей: «Очень ужъ отвлеченныя понятія—любовь, прощеніе, отиращаніе насилія... это все вещи, неприложимыя къ жизни»...

«Отвлеченныя»... А вѣра въ благодѣтельность насилія развѣ само по себѣ не отвлеченное понятіе? Но нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть сейчасъ результаты такой вѣры. Что же было бы, если люди прониклись бы инымъ сознаниемъ—разумнымъ? Не нужно намъ дѣлаться какими-то ангелами или блаженными; все также мы и ссорились бы и обижали бы другъ друга, но изъ-за того, что въ сознаніи нашемъ произошло перемѣна, что повѣрили бы въ силу добра, жизнь наша, я увѣренъ, становилась бы все лучше и лучше. Вѣдь, когда поѣздъ на развѣздѣ переходитъ на другой путь, то сначала ничего особеннаго не происходитъ—тѣ же виды кругомъ, даже направленіе, въ которомъ идетъ поѣздъ, остается почти прежнее, но въ концѣ концовъ очень далеко очутишься отъ тѣхъ мѣстъ, куда привелъ бы первый путь.

«Для чего люди одурманиваются?»

Я подошелъ къ окну. Противъ нашихъ оконъ стоитъ платформа-автомобиль. На немъ десятка два вооруженныхъ студентовъ и юнкеровъ; у всѣхъ винтовки на-готовѣ и въ зубахъ папироски. Мнѣ сначала странно было, что въ такую минуту они не забыли о куреніи, но потомъ я понялъ, что именно сейчасъ надо курить; надо заглушить внутренняго критика, голосъ совѣсти, а то онъ мѣшаетъ спокойно убивать братьевъ.

«Изъ устъ младенцевъ».

Рано утромъ проснулись дѣти. Заслышавъ выстрѣлы, они поняли что происходитъ что-то плохое и страшное. Они тревожно выглядывали изъ-подъ одеяла и жались другъ къ другу. Зиночка поцѣловала братишку. Тотъ крѣпко обвилъ своими ручками ея шею.

«Вѣдь мы съ тобой не ссоримся? Нѣтъ?»

«Да. А какъ хорошо, что мы не деремся и не ругаемся. Ты тоже любишь меня?»

Въ ихъ глазкахъ свѣтилась радость. Они не лишились еще того, что дѣлаетъ жизнь счастливой и радостной, и что отброшено большинствомъ людей, тщетно пытающихся достичь хорошей жизни посредствомъ вражды и насилія.

Сердце чистое.

Трехлѣтній ребенокъ подошелъ ко мнѣ.

«Папа, скажи имъ, чтобы они не дрались».

«Они теперь не послушаются».

Тогда онъ подошелъ къ столу, аккуратно оторвалъ листокъ бумаги и долго писалъ на немъ какіе-то знаки. Исписанный листокъ передалъ мнѣ и серьезно сказалъ, указывая на бумажку:

«Я здѣсь прошу ихъ перестать драться. Ты брось это на улицу черезъ форточку, а они его поднимутъ, прочтутъ и перестанутъ стрѣлять. Смотри же—брось».

«Нужда заставляетъ».

Разговорился съ политическими анархистами. Подѣлился съ ними своимъ отношеніемъ къ происшедшему.

Они улыбнулись.

«Мы знаемъ, что нужно и хорошо только добромъ вооружиться противъ зла, да ничего не подѣлаешь — нужда заставляетъ за ружье взяться».

Я сказалъ, что имъ-то, анархистамъ, ставшимъ выше государственности и обывательщины, не слѣдуетъ успокаиваться на такихъ униженныхъ, рабскихъ словахъ—«нужда заставляетъ». Нужда заставляетъ быть крѣпостниками, нужда заставляетъ пороть другъ друга по приказу какого-нибудь Трепова, нужда заставляетъ драться съ людьми, родившимися за станціей Вержболово... Когда же мы будемъ жить по указаніямъ разума и любви?

«Съ такими взглядами, съ такимъ отношеніемъ къ жизни вы, вѣдь, не служите массамъ».

«Я хочу служить Богу и знаю, что-исполняя только Его волю, я не внесу зла въ міръ, а служеніе массамъ доводитъ до того, что приходится пенять на нужду, что она вынуждаетъ насъ поступать не по совѣсти. Служить людямъ надо, только нужно не заглушать въ себѣ голосъ Божій, который лучше всего укажетъ какъ служить. Если же не слушаться голоса совѣсти, то вмѣсто ожидаемой пользы «массамъ» принесешь имъ большой вредъ».

Окольные пути.

Иду съ моимъ другомъ по улицамъ. Лужа крови, выбитая стеклами попорченныхъ дома, газеты, пропитанная злобой и ненавистью, штыки надъ движущейся толпой народа, разные приказы, распоряженія, декреты...

Мой спутникъ съ грустью замѣтилъ:

«Да, окольными путями движется человѣчество къ правдѣ».

Л. Н. Толстой говорилъ, что къ истинѣ приближаются тремя путями: путемъ разума, путемъ подражанія добродѣтели примѣру и путемъ страданія. Мы не хотимъ идти первыми двумя путями, и вотъ передъ нами третій самый тяжелый путь.

Ноябрь 1917 г.

В. Медвѣдковъ.

Тьма.

Письмо съ фронта.

За стѣной нашей уютной и теплой землянки сгустилась осенняя тьма... Въ землянкѣ было сильно накурено, немного кружилась голова. Чтобы освѣжиться я вышелъ въ поле. Шелъ мелкій дождь, низко нависшія черныя тучи ползли куда-то вдаль, часто освѣщаемыя свѣтомъ неприятелискихъ прожекторовъ. Вдали глухо рокотали орудійные залпы, свистѣли снаряды, неся съ собою смерть и разрушеніе... Вдругъ земля дрогнула. Въ воздухѣ повисли сотни фосфорическихъ звѣздъ. Орудійные залпы слились въ одинъ сплошной мучительный гулъ. Тысячи снарядовъ съ адскимъ визгомъ разсѣкали влажный воздухъ. Страшно ухая, рвалась въ воздухѣ шрапнель. Отъ взрывовъ тяжелыхъ снарядовъ земля дрожала и клочьями неслась къ небу. Кругомъ то тамъ, то здѣсь вспыхивали пожары. А временами порывы вѣтра доносили тревожное ржаніе лошадей, трескъ пулеметовъ и дикій животный вой, какъ бы обезумѣвшей, громадной толпы людей.

Было мучительно страшно отъ созерцанія этой стихійной дикой картины, сердце сжималось въ комокъ и невольно, неудержимо тянуло бѣжать и далеко, далеко скрыться хотя бы въ нѣдрахъ земли, чтобы не видѣть и не слышать этого ада. Не видать этой давящей тьмы. Но нѣтъ, не уйдешь, шепталъ какой-то внутренній голосъ. Нѣдра земли сотрясаются взрывами тѣхъ же снарядовъ. И тьма, тьма... Да что тьма осеннихъ вечеровъ въ сравненіи съ тьмой людской! Вѣдь эта-то тьма и сотрясаетъ землю, эта-то тьма и бьетъ и рветъ на куски человѣческое тѣло. Кругомъ тьма... Куда скрыться? Всюду тьма. Вѣдь куда ни сунься, всюду несешь съ собою тьму, потому она въ тебѣ, въ насъ. Волосы на головѣ встаютъ дыбомъ, чувствуешь, что ты сходишь съ ума и это умножаетъ страхъ. Умереть? Но и тамъ тьма. Что дѣлать? Какъ жить? Кругомъ тьма, а вдали клокочущій язвительный смѣхъ... Богъ? Что такое Богъ? Силую вспомнить. Да, Богъ, который сотворилъ въ шесть дней землю. Ничего не понимаю. Силую понять, вспомнить. Твержу: Богъ, Богъ... въ шесть дней... земля, люди. Для чего земля? Для чего люди? Не понимаю. А кругомъ тьма, непроглядная, томящая тьма. Силую понять...

Вдругъ слышу шумъ какъ бы открывающагося окна. Свѣтъ, борящийся съ тьмой, и голосъ, поющій голосъ. Голосъ моего сослуживца. Онъ пѣлъ: «На землѣ весь родъ людской чтитъ одинъ кумиръ священный, онъ царитъ надъ всей вселенной; тотъ кумиръ-телець золотой. Въ угожденьи богу злата край на край встаетъ войной и людская кровь рѣкою по клинку бѣжитъ булата... Люди гибнуть за металлъ... Сатана тамъ правитъ балъ. Да, правитъ балъ».

Голосъ оборвался. А вдали росло, ширилось зарево, расширялся орудійный гулъ, трещали пулеметы. Кровавое зарево росло-ширилось и казалось, что съ земли поднимается красный, теплый, влажный паръ, заполняя собою вселенную. А изъ дальнаго лѣса слышался дьявольски язвительный смѣхъ...

Оглянулся кругомъ, вижу ласковый свѣтъ, исходящій изъ маленькаго окна нашей землянки. Съ трудомъ различаю ея силуэтъ. Слышу оживленные, спорящіе голоса.

— Христосъ ясно говоритъ: любите враговъ вашихъ, — говорилъ ласковый спокойный голосъ.

— Да какъ же любить враговъ? Они, хотя бы нѣмцы, хотятъ пароботить насъ, отнять принадлежащую намъ землю.

— Такъ что же, отдайте. Христосъ учитъ непротивленію злему.

— Да помилуйте, господа. Вѣдь они тогда будутъ насилловать нашихъ женъ и дѣтей.

— Ну, этого навѣрно сказать нельзя. Вотъ эти всѣ насилія, происходящія теперь у насъ, такъ это точно. И все потому, что мы не хотимъ жить по завѣту Христа.

Вхожу въ землянку и застаю всѣхъ за чтеніемъ Евангелія. При мирно мерцавшей свѣчѣ, бросающей бѣглый уродливый тѣни, они тѣсно сидѣли

Собрание закрылось при полномъ духовномъ единеніи собравшихся. Дай Богъ, чтобы этотъ радостный день былъ не послѣднимъ среди освободившагося отъ рабства русскаго крестьянства. И. —
(Тульская газета, 30 сентября 1917 г.)

О Л. Н. Толстомъ.

„Пророчества гения“

Седьмая годовщина смерти Л. Н. Толстого, — первая въ «свободной» Россіи, гдѣ поправная подъ гнетомъ кулака и штыковъ лежатъ всѣ свободы. Вчера о ней вспомнили лишь немногіе.

Провидецъ, орлинымъ окомъ взиравшій на мѣръ съ нагорной высоты, съ душевной болью глядѣлъ на близкое грядущее.

Для него, еще до октябрьскихъ дней 1905 года, было ясно, что самодержавіе доживаетъ послѣдніе, сочтенные дни, что оно изжило себя и является полнымъ банкротомъ, что надвигается «кризисъ всемірный».

Для великаго мыслителя земельный вопросъ былъ всегда большимъ вопросомъ. Левъ Толстой хорошо зналъ, что самодержавіе никогда его не разрѣшитъ, ибо отъ царя до послѣдняго городского — все живетъ податями.

Но самъ народъ можетъ и долженъ освободиться отъ своего рабства. Но этотъ путь — не тотъ, по которому идетъ теперь Россія.

Насиліе родитъ только насиліе.

Есть другой путь: пусть самъ рабочій народъ руководится своею жизнью тѣми же правилами и законами, которыми руководятся ихъ угнетатели.

Пророчески Толстой предсказалъ то, что мы видимъ теперь: чисто матеріальную, чисто животную сторону нашей революціи...

Ходъ нашей революціи, поглощенной однимъ матеріальнымъ, захлебнувшейся имъ, у всѣхъ предъ глазами. И никогда, быть можетъ, осмѣянный недалекими глупцами толстовскій догматъ непротивленія злу насиліемъ не получалъ такой реальной почвы, какъ именно въ наши тяжелые, скорбные дни.

То, что на языкѣ большевиковъ есть «саботажъ» власти, на языкѣ Толстого — первый шагъ познанія того, что дѣлаетъ человѣка свободнымъ, ибо только «свободный, порвавшій путы рабства, отказывается участвовать во всѣхъ дѣлахъ, противныхъ его совѣсти. Свободный человѣкъ не станетъ служить своимъ притѣснителямъ».

Любовь Толстого къ народу, засвидѣтельствованная подвигомъ всей его жизни, придаетъ особое значеніе его предвидѣніямъ.

Многія изъ нихъ уже сбылись.

Соціализмъ, сдѣлавшій такіе внѣшніе успѣхи въ наши дни, для Толстого былъ не чѣмъ другимъ, какъ осуществленіемъ идей христіанства въ экономической области, но онъ пользуется «тѣми же самыми средствами, которыя хочетъ уничтожить»...

Когда въ октябрьскіе дни 1905 г. въ Россіи все было опьянено «свободой», онъ одинъ говорилъ: Это не свобода.

Истинную свободу не получаютъ, а завоевываютъ мирнымъ путемъ нравственнаго совершенства и отдѣльной личности и массъ.

Она въ томъ, что ничто человекъ не можетъ заставить поступить противно тому, что онъ считаетъ должнымъ.

Грядущую разруху видѣлъ передъ собой Толстой.

«Я умру, а вы увидите... какъ распадется вся жизнь... Жизнь можетъ идти сколько-нибудь сносно тамъ, гдѣ есть религіозныя основы, гдѣ есть идеалъ окрыляющій. Безъ него неизбежно царство хама, торжество насилія и конецъ свободѣ».

Всѣ чувствуютъ, такъ жить нельзя. И вотъ, одни предлагаютъ крѣпостное право вернуть, другіе соціализмъ, но люди думаютъ, это не стадо барановъ».

Н. Н.—вз.

(«Петрогр. Листъ», 8 ноября 1917 г.)

Обмѣнъ мыслей.

О войны и мирѣ.

27 сентября 1917 г.

Мы должны относиться къ этой войнѣ не съ государственной и политической точки зрѣнія, а съ христіанской. Государственность и политика исчезнутъ, христіанство же — никогда. Христіанское ученіе говоритъ, что отъ хорошихъ поступковъ получаютъ хорошія послѣдствія, а отъ дурныхъ поступковъ — только плохія послѣдствія. И дико бы было, если бы человѣчество, прекративъ войну, сдѣлало бы это лишь для того, чтобы послѣ заключенія «мира» снова вооружиться для слѣдующаго еще болѣе ужаснаго самоистребленія. Люди только тогда сдѣлаютъ хорошій поступокъ, если они всѣ разоружатся.

До сихъ поръ войны никогда не прекращались, враждующія стороны никогда не заключали истиннаго мира; стороны только уходили съ поля брани, чтобы отдохнуть и приготовиться для слѣдующаго кровопролитія. Люди либо воевали, либо готовились къ войнѣ.

И чѣмъ люди становились культурнѣе, тѣмъ больше они звѣрѣли и тѣмъ лучше вооружались и тѣмъ больше истребляли другъ друга. Мира между народами не было. Мира не будетъ, если народы прекратятъ войну и не разоружатся. Мира не будетъ, пока живо кровавое чудовище. Убить это чудовище могутъ только труженики всего міра. Для этого они должны объединиться въ одну великую семью. Каждый членъ такой семьи долженъ направить всѣ свои мысли, всѣ свои силы для того, чтобы побѣдить это кровавое чудовище. Каждый такой членъ долженъ подчинить свои частные интересы интересамъ этой семьи и остатокъ своей жизни посвятить на пользу будущему поколѣнію. Всѣ трудящіеся всего воюющаго міра должны полюбить другъ друга, полюбить такъ, чтобы вся семья представляла бы собою одну великую любовь.

И вотъ эта любовь убьетъ войну, заставитъ весь міръ разоружиться, заставитъ богатыхъ людей отдать свои богатства на восстановленіе разрушенныхъ городовъ, селъ и деревень и на содержаніе народовъ, разоренныхъ войною. Эта любовь заставитъ скверныхъ людей сдѣлаться хорошими. Эта любовь сдѣлаетъ всѣхъ людей радостными и счастливыми. Эта любовь заставитъ всѣхъ людей признать одинъ Высшій Законъ. Эта любовь дастъ Царство Божіе на землѣ.

Антонъ Нозловскій.

Изъ письма крестьянина — солдата.

Изъ дѣйствующей арміи.

17 октября 1917 г.

Живу я по прежнему и скучно и мучительно, а въ особенности послѣднее время очень скверно себя чувствую. Между людьми идетъ страшная рознь. Одни идутъ въ сторону большевиковъ, другіе — меньше-

виковъ, третьи — соц.-революціонеровъ. Споръ, негодованіе между собою. Я со своимъ взглядомъ остался одинъ, никуда не присталь. И скажу вамъ, что отношенія ко мнѣ стали другія. Въ споры, разсужденія меня не желаютъ принимать, да я и мало имѣю къ этому охоты. Не имѣю охоты потому, что всѣ ихъ споры, всѣ разсужденія сводятъ ихъ къ одному. И въ концѣ концовъ выходитъ одно, что надо убивать капиталистовъ. Я иногда встаю противъ нихъ, но тутъ я получаю упреки, что я тоже капиталистъ. Не желая входить въ разсужденія и вводить человѣка въ зло, я нашель, что лучше молчать. Думаю, что больше молчанія, меньше грѣха. Насколько люди измѣнились, насколько они измѣнили свой характеръ и свои отношенія другъ къ другу! Я лично, по крайней мѣрѣ, замѣчаю такой переходъ въ людяхъ. Но не могу себѣ дать отвѣта на такой вопросъ: почему это такъ могло все измѣниться и почему они стали недоверчивы и злы. Я лично нахожу такую жизнь невозможной, и даже не представляю такой жизни, какъ это можно прожить, не довѣряя одинъ другому.

М. З.—вз.

Съ передовыхъ позицій дѣйствующей арміи.

16 октября 1917 г.

Правда, война не безъ измѣненій въ настроеніи человѣка. Почти всѣ 15 дней пребыванія на позиціи были какіе-то разстроенные и вотъ теперь пришелъ въ резервъ на 15 дней, хоть маленько душой отдохну; а то, повѣрьте, очень болѣю душой. Съ 7-го на 8-ое октября мы стояли на позиціи въ караулѣ. И вотъ прилетѣлъ нѣмецкій снарядъ и разомъ у меня во взводѣ убило двухъ самыхъ лучшихъ хлопцевъ, и вотъ впервые за 6 мѣсяцевъ я увидѣлъ страданія людей и узналъ, какъ калѣчатся и убиваются въ этомъ заколдованномъ кругѣ. И вотъ при такой громовой канонадѣ я прибѣжалъ въ караулъ и увидѣлъ этихъ страдальцевъ, лежащихъ одинъ на другомъ, облитыхъ кровью; я сталъ передъ ними какъ столбъ и не зналъ, что дѣлать и кого винить — или же нѣмца, что убилъ моихъ лучшихъ ребятъ, или же самихъ себя, что вѣдь и мы то пришли убивать другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самихъ себя. Вмѣстѣ съ ними былъ мой братъ; тотъ при видѣ искалѣченныхъ и облитыхъ кровью людей, убитыхъ, растерялся и заболѣлъ, такъ что пришлось его смѣнить и вступить на его мѣсто. А теперь понемногу сталъ успокаиваться.

Не знаю, что будетъ дальше. У насъ теперь идетъ подготовка въ учредительное собраніе и разбивка на партіи; настроеніе во всемъ полку возбужденное; ко всѣмъ потеряли довѣріе, только и опираются на большевиковъ, — не знаю, что они дадутъ. Наша рота вынесла резолюцію противъ войны съ требованіемъ скорѣйшаго заключенія мира, не затягивая зимней кампаніи. А Н-й весь полкъ вынесъ резолюцію противъ войны.

У меня есть газетка нѣмецкая и въ ней очень хорошенкій стишокъ одного военно-плѣннаго, и статья «Проѣзжай и крестьянникъ» Л. Н. Толстого. За газетами ходили наши солдаты днемъ. Я недавно, въ ту стоянку на отдыхѣ, ходилъ, занимался съ картой, пришлось посмотреть на всѣ разоренныя мѣста: деревни сожжены, садовыя деревья повалили отъ пожара и переломаны снарядами, земля вся изрыта и искалѣчена, пустоеть; однимъ словомъ: все уныло и все плачетъ. Да и самъ-то, глядя на все это, тоже невольно плачешь. Вотъ что я могу сказать вамъ изъ жизни въ этомъ заколдованномъ кругѣ.

А. Н-н.

О народопрямствѣ и самоуправствѣ.

По поводу внутренней политики не могу не пожаловаться на словесныя излишества или «эксцессы», которыми занимаются руководители; получается нѣчто болѣзненное, вродѣ затяжной словесной дизентеріи. Большевицкія теченія несомнѣнно имѣютъ свой откликъ въ нашемъ народѣ, поэтому съ ними приходится считаться, какъ съ весьма важнымъ фактомъ. Главнѣйшими моментами, поддерживающими силу большевизма являются: 1) глубокое, исконное недоверіе народа къ «господамъ» и 2) невѣжество того же народа, особенно въ вопросахъ государственно-политическихъ. Всѣ попытки удержать власть въ рукахъ «господъ» мнѣ представляются теперь безнадежными и ненужными. Все еще надѣются соединить несоединимое: свободу и государственное насиліе. Съ другой стороны для невѣжественныхъ людей необходимымъ практической опытъ, который убѣдилъ бы ихъ въ невозможности какого либо государственнаго строительства по старымъ планамъ руками одной демократіи.

Этого опыта боятся и не позволяютъ сдѣлать, чѣмъ еще болѣе поддерживаютъ вражду и недоверіе. На самомъ дѣлѣ ничего тутъ страшнаго нѣтъ, и чѣмъ скорѣе пойдетъ процессъ государственнаго разложенія, тѣмъ лучше. Строительство новой жизни вполне возможно и даже необходимо при широкомъ участіи народа, которому нужно же предоставить свободу творчества; только не мѣшайте ему, перестаньте считать себя опекунами и не смотрите на русскій народъ, какъ на массу душевно-больныхъ или малолѣтнихъ. Правда, народъ этотъ не сможетъ правильно организовать управленіе разными министерствами и вѣдомствами, вести дипломатическіе переговоры и пр., но несомнѣнно сумѣетъ устроить свою жизнь при достигнутой свободѣ лучше, чѣмъ при самодержавіи. Если теперь столь часто происходятъ грубыя насилія, самосуды, убійства, грабежи, то конечно не потому, что устранены стражники и полиція, а потому что стараются новое вино держать въ старыхъ мѣхахъ. Всѣ эти совершенно искусственные совѣты, комитеты, революціонныя суды, делегаты, съѣзды навязываютъ народу участіе въ государственной дѣятельности, т. е. производятъ то самое развращеніе властью, о которомъ писалъ Л. Н. Толстой.

Ближайшей задачей настоящаго революціоннаго правительства должна быть ликвидация и постепенное упраздненіе всѣхъ старыхъ формъ государственнаго насилія и прежде всего — освобожденіе русскихъ людей отъ возстановленнаго у насъ вотъ уже три года крѣпостнаго права въ самой преступной формѣ — воинской повинности для веденія войны. Это — первая и главнѣйшая задача. А вторая, столь же неотложная — освобожденіе земли для трудового крестьянства. Есть признаки, что это будетъ исполнено вопреки всѣмъ стараніямъ руководителей нашей революціи и спасателей родины. Военный министръ на демократическомъ совѣщаніи оповѣстивъ, что у насъ имѣется два милліона дезертировъ. Керенскій сообщаетъ, что войска въ Финляндіи не желаютъ препятствовать собранію финляндскаго сейма. Съ моей точки зрѣнія въ этихъ двухъ фактахъ заключается не одно только дурное.

Теперь о распаденіи Россіи, котораго такъ боятся многіе. Обрушительная политика самодержавнаго правительства въ отношеніи къ подвластнымъ народностямъ сводилась къ неумѣлымъ, грубымъ приемамъ физическаго насилія, по преимуществу внѣшняго, полицейскаго характера. Это не только не вліяло на самобытную душу народа, но, наоборотъ, поддерживало въ ней національную живучесть. Финны, поляки, кавказцы

и проч. подъ властью Россіи сохранили себя. (Нѣмцы за этотъ періодъ времени вѣроятно научили бы ихъ говорить, читать и даже думать по нѣмецки). Можеть быть въ историческія задачи Россіи между прочимъ входило сохраненіе этихъ малыхъ народовъ въ неприкосновенности до того времени, когда наступитъ возможность для ихъ безопаснаго самостоятельнаго существованія, когда права малыхъ народностей будутъ признаны всѣми. Теперь этотъ моментъ приближается. Будемъ же гордиться и радоваться тому, что вѣренныя намъ судьбою народы остались живы, цѣлы, и способны къ свободному существованію. Не станемъ смотрѣть на нихъ, какъ на нашу личную собственность, отнятіе которой причиняетъ огорченіе. Вѣдь здѣсь должно быть такое же отношеніе, какъ у матери къ взрослымъ дѣтямъ, оставляющимъ домъ и семью, ради вступленія въ самостоятельную жизнь. Эту великую материнскую задачу Россія выполнила главнымъ образомъ благодаря христіанскому отношенію нашего народа къ иноплеменникамъ.

19 сент. 1917 г.

Военный врачъ В. С.

Изъ письма стараго военнаго.

Петроградъ, 17 октября 1917 г.

Случаи религіозной симуляціи (т. е. симуляціи религіозныхъ мотивовъ къ отказу отъ военной службы) были и будутъ, вѣроятно, чрезвычайно рѣдки—такія симуляціи, повидимому, не въ духѣ русскаго народа, и тѣ люди, которыхъ вы называете «религіозниками», очень и очень нужны человѣчеству, какъ носители высокихъ нравственныхъ началъ и любовнаго отношенія къ людямъ. Одно существованіе ихъ примиряетъ съ ужасами дѣйствительной жизни и таитъ въ себѣ надежду на нравственное обновленіе человѣчества. Значеніе этихъ людей возрастеть еще въ большей степени съ переломомъ народной психики въ сторону добрыхъ началъ человѣческой души, а такой переломъ непремѣнно наступитъ и, можеть быть, не въ такомъ уже далекомъ будущемъ.

Что касается грядущаго, по Вашимъ словамъ, «Антихристовъ нашествія» (т. е. нашествія злобы, вражды и низкихъ страстей), то я думаю, съ исторической точки зрѣнія, что мы переживаемъ революціонный кризисъ, который переживали и другіе народы, когда прежнія государственныя и духовныя связи сразу оборвались, а новая линія строительства человѣческаго общенія еще не выяснилась.

Всѣ люди, независимо отъ класса и происхожденія, имѣютъ равное право жить подъ солнцемъ въ этомъ все-таки прекрасномъ Божьемъ мірѣ!.. Но намъ предстоитъ, быть можеть, пережить еще ужасы со стороны темной и невѣдущей, что творить, толпы; но также, быть можеть, эти ужасы послужатъ къ нашему духовному очищенію. Вы знаете мое убѣжденіе, что государство, экономика и право являются только внѣшними формами человѣческаго общенія, которыя, однако, сами по себѣ не могутъ дать ни содержанія, ни смысла жизни. Содержаніе и смыслъ жизни даютъ только религія и нравственность. Вы знаете, что больше всего меня интересуютъ душа человѣческая и душа народная, и потому Вы можете понять, что я глубоко скорблю, видя повсюду всяческое насиліе, ненависть, крайнюю недобросовѣстность и стремленіе опустошить душу народную отъ всякихъ духовныхъ началъ. Но я всегда помню, что во всѣхъ этихъ проявленіяхъ низкихъ сторонъ человѣческой души принимаетъ участіе, сравнительно, очень незначительное меньшинство народа. Я помню также, что человѣчество даже послѣ самыхъ удачныхъ достижений матеріальнаго и внѣшняго устройства жизни неизмѣнно возвращается къ духовнымъ началамъ религіи и нравственности, потому что безъ этихъ началъ оно существовать не можеть. Душа народная временно затемнилась, и ключъ къ ней куда-то заброшенъ, но онъ будетъ найденъ!..

Большое спасибо вамъ за доброе пожеланіе, чтобы Богъ далъ всѣмъ намъ вѣру, дающую силу жизни. Позвольте и мнѣ выразить пожеланіе, чтобы масло въ свѣтильникахъ вашихъ и вашихъ единомышленниковъ не оскудѣвало, дабы они не переставали горѣть примиряющимъ свѣтомъ духовности, человѣчности и любви къ людямъ.

По поводу большевистскаго возстанія.

Москва, 6 ноября 1917 г.

Какая рѣзкая разниа между революціей мартовскихъ дней, совершенной волею и сознаниемъ народа, и революціей октябрьскихъ дней, совершившейся партійной агитаціей.

Какое торжественное праздничное, окрыляющее настроеніе было у людей въ мартовскіе революціонные дни, и какая придавленность, безотрадность въ ноябрьскіе дни, при видѣ изуродованныхъ зданій, слѣдовъ крови и мѣстами выносимыхъ труповъ!

Сколько убито дорогихъ жизней, убито во имя того, что никогда, нигдѣ въ мірѣ не могло осчастливить или спасти людей отъ всевозможныхъ бѣдствій.

Вѣдь всѣ эти убійства увеличили, углубили зло нашей жизни; вѣдрили въ души родителей, друзей и родственниковъ, потерявшихъ близкихъ, проклятія невѣдомымъ убійцамъ.

Неужели и теперь можно утверждать, что плоды этой революціи полезны и способны оздоровить жизнь!

Это невѣрно!

То, что совершается народомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, всегда серьезно и полезно, потому что жизненно, естественно и религіозно; то же, что волей агитаторовъ (обезумѣвшей частью городского населенія), все въ большинствѣ вредно и ненужно, такъ какъ все это чуждо особенно нашему народу, богоискателю и свободолюбцу.

Въ глубинѣ души народа много силы, много мыслей и ясности въ пониманіи жизни!

Больше любви! Больше прощенія взаимныхъ недоразумѣній!

Любовь, только она избавитъ насъ отъ возможныхъ эксцессовъ и просвѣтитъ нашу жизнь.

Любите другъ друга! и будете братьями и свободными людьми.

А. Турчаниновъ.

Хроника.

Привѣтъ борцамъ противъ войны.

30-го Сентября с. г. въ Центральной Вегетарианской Столовой, въ Москвѣ (Газетный пер. 12) собравшіеся (около 300 человѣкъ), выслушавъ докладъ В. Г. Чертова о многочисленныхъ случаяхъ отказовъ отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ въ Англии, единогласно постановили послать друзьямъ-англичанамъ, самоотверженнымъ

борцамъ противъ войны, свой привѣтъ и выразить имъ глубокое сочувствіе въ слѣдующихъ словахъ.

«Это святое дѣло—борьба съ насиліемъ, въ которой оружіемъ является одна лишь любовь,—оправдываетъ существованіе человѣчества на землѣ и зажигаетъ сердца надеждой на лучшее будущее.

Считаемъ нужнымъ повѣдать нашимъ друзьямъ въ Англии, что и въ Россіи, уже полтора года тому назадъ, бывали случаи отказовъ отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ. Съ каждымъ годомъ, особенно за послѣдніе 20 лѣтъ, число отказывающихся въ Россіи все возрастало, а за время теперешней войны, лицъ, отказавшихся отъ военной службы, по мотивамъ совѣсти, насчитывается много сотенъ, при чемъ немало такихъ лицъ умерло въ каторжныхъ тюрьмахъ.»

„Неужели такъ надо?“

Въ одинъ изъ дней большевистскаго возстанія членъ Общества истинной свободы въ память Л. Н. Толстого студентъ Н. И., стоя на Каменномъ мосту, бесѣдовалъ съ рабочими, стараясь умиротворяюще подѣйствовать на нихъ. Въ это время мимо прошелъ челоѣкъ средней лѣтъ, съ большимъ портретомъ Л. Н. Толстого на груди и съ крупной надписью подъ портретомъ: «Неужели такъ надо?» Тронутый Н. И. подошелъ къ неизвѣстному, пожалъ ему руку и выразилъ свое сочувствіе. Онъ хотѣлъ узнать фамилію неизвѣстнаго, но снова захотѣвшіе пулеметы заставили всѣхъ бывшихъ на мосту разойтись въ разныя стороны.

Вечеръ въ память Л. Н. Толстого.

11-го ноября въ Богословской аудиторіи университета состоялся вечеръ въ память Л. Н. Толстого, устроенный Обществомъ истинной свободы, по случаю дня седьмой годовщины его смерти.

Вечеръ открылся прочувствованнымъ словомъ И. И. Горбунова-Посадова, указывающаго на все противорѣчіе великихъ идеаловъ любви и братства, провозглашенныхъ Толстымъ, съ современной дѣйствительностью. Съ одной стороны—война, съ другой—братоубійственная рѣзня на улицахъ и разжигаемая всячески классовая ненависть,—все это ужасомъ наполняетъ сердце. Ораторъ призывалъ бороться всѣми средствами съ растущимъ въ людяхъ взаимнымъ озлобленіемъ, дабы не погибъ челоѣкъ въ челоѣкъ.

Въ докладѣ «Л. Толстой и современныя событія» В. Г. Чертковъ, привѣдая рядъ цитатъ изъ произведеній Толстого, указалъ, между прочимъ, на то, что Л. Н. какъ бы предугадывалъ то, что совершается теперь: нѣкоторыя мѣста изъ его сочиненій, гдѣ говорится о забвеніи людьми Божескаго закона любви о механическомъ подчиненіи ихъ языческому государственному строю и о тѣхъ общечеловѣческихъ бѣдствіяхъ, которыя протекаютъ отсюда,—звучатъ прямо пророчествомъ.

Ө. А. Страховъ, въ обширномъ докладѣ «Л. Толстой—глашатай истинной свободы», провелъ параллель между тѣми «свободами», о которыхъ говорятъ программы политическихъ партій, и той свободой, въ которой и для которой воспитываетъ себя внутреннимъ образомъ каждый челоѣкъ.

В. Ө. Булгаковъ произнесъ рѣчь на тему «Л. Толстой и церковь». Между прочимъ, онъ указалъ на постоянныя попытки истиннаго христіанства возродиться въ ученіяхъ такъ называемыхъ сектъ. Въ частности, все, что говорилъ Толстой, можно полностью или частями найти въ ученіяхъ сектъ: донатистовъ, богомиловъ, вальденсовъ, менонитовъ, квакеровъ, гернгутеровъ, духоборовъ и пр. Эти-то секты, всегда гонимыя, подобно Христу, и составляютъ «невидимое тѣло» истинной Христовой церкви. Съ этой точки зрѣнія, и ученіе Толстого—одно изъ непреложныхъ звеньевъ въ историческомъ развитіи истиннаго христіанства, а та церковь, которая «отлучила» Толстого, является грубой, полной суевѣрія ересью по отношенію къ христіанству.

Въ заключеніе пианистъ В. Н. Владимировъ прекрасно исполнилъ любимыя музыкальныя произведенія Л. Н-ча и похоронный маршъ Шопена. прослушанный публикой, собравшейся въ количествѣ болѣе 1000 челоѣкъ, стоя. Пропѣта была также собравшимися «Вѣчная память» Л. Н-чу.

Въ Обществѣ Истинной Свободы.

Дѣятельность Общества, возникшаго 27 іюля с. г., успѣшно развивается. Число членовъ его за четыре мѣсяца возросло болѣе, чѣмъ до 400 челоѣкъ, включая и иногороднихъ членовъ. На членскіе взносы, а также на пожертвованія и на сборъ съ лекціи Н. Н. Апостола, устраивается библиотека религіозно-философскаго содержанія. Книги на домъ пока не выдаются, но читаются въ клубѣ для собесѣдованій, открытомъ ежедневно по вечерамъ въ помѣщеніи Вегетар. Об-ва. Библиотека еще не вполне собрана, но уже и теперь представляетъ большую цѣнность, особенно потому, что въ ней можно найти много книгъ по вопросамъ религіи, совершенно исчезнувшихъ съ рынка. Когда составъ библиотеки вполне сформируется и всѣ книги будутъ переплетены, она превратится въ публичную, съ выдачей книгъ на домъ. Функционируетъ при Обществѣ и справочное бюро, отвѣчающее на письменные запросы. Болѣе тѣсному общенію между живущими въ Москвѣ единомышленниками Л. Н. Толстого и лицами, интересующимися Толстымъ, удовлетворяютъ собранія, устраиваемыя В. Г. Чертковымъ въ залѣ Вегетар. Об-ва два раза въ недѣлю; по субботамъ читаются доклады, послѣ которыхъ происходитъ свободный обмѣнъ мнѣній, а по четвергамъ собираются ради болѣе углубленнаго и сосредоточеннаго систематическаго изученія взглядовъ Толстого. Собранія эти усердно посѣщаются публикой самой различной по составу, причемъ, въ большинствѣ процентѣ посѣтителей составляютъ солдаты.

Обществомъ издана брошюра, содержащая: 1. Опытъ краткаго изложенія основъ истинной свободы. 2. Уставъ Об-ва.—Въ составъ Совѣта Общества въ настоящее время входятъ: П. И. Бирюковъ, В. Ө. Булгаковъ, Ө. Х. Граубергеръ, О. А. Дашкевичъ, И. Н. Колосковъ, С. Д. Николаевъ, А. П. Сергѣенко, Ө. А. Страховъ, И. М. Трегубовъ, И. Н. Филипповъ, М. I. Хорощъ, В. В. и В. Г. Чертковы, В. А. Шейерманъ и К. С. Шохоръ-Троцкій.

Отъ редакціи. На дняхъ вышло въ свѣтъ, въ видѣ отдѣльнаго большаго листка обращеніе редакціи издательства «Голосъ Толстого и Единеніе»—«Къ враждующимъ русскимъ людямъ». Выписывать его можно изъ конторы издательства; ц. 20 коп.

Просьба къ сочувствующимъ посылать распространять обращеніе. Приобрѣтающимъ для распространенія—значительная скидка.

Къ сочувствующимъ распространенію взглядовъ Толстого.

Тяжелое время переживаетъ Россія. Общее положеніе страны все осложняется. Одновременно растутъ и возбужденіе народныхъ массъ. Къ войнѣ внѣшней, международной, прибавилась внутренняя, междоусобная...

Многимъ кажется, что за непроглядными тучами ненависти и борьбы совсѣмъ пропало Солнце правды. Но тотъ, кто вѣритъ въ силу Духа, не станетъ унывать. Приглядываясь внимательнѣе, онъ увидитъ, что сквозь тучи сияютъ пробиться лучи все того же, временами заслоняемаго, но вѣчнаго, непреодолимаго Свѣта.

Въ числѣ отраднѣхъ явленій нашего времени особенно знаменательно то напряженное исканіе истиннаго просвѣщенія, которое именно теперь проявляется и все усиливается въ Россіи, преимущественно среди простого трудового народа. Жива душа народная, несмотря на то, что часть народа, отравляемая материалистическими теченіями, соблазняясь проповѣдью сознательной вражды, увлекаемая разнузданными страстями,—забыла Бога. Даже среди этой, потерявшей свое внутреннее равновѣсіе части народа, многіе испытываютъ духовный голодъ. Послѣ самыхъ дикихъ неистовствъ часто наступаетъ отрезвленіе и искреннее раскаяніе. Люди бьются въ поискахъ выхода изъ окутавшаго ихъ мрака, тоскуя по духовному хлѣбу, способному ихъ насытить и успокоить.

Это исканіе въ народѣ духовной пищи находитъ огромное удовлетвореніе въ писаніяхъ Толстого, спросъ на которыя уже достигъ столь небывалыхъ размѣровъ, что издатели Толстого, не располагая нужными средствами, не въ силахъ выпускать его книги своевременно и въ достаточномъ количествѣ. Со всѣхъ концовъ Россіи, изъ селъ и городовъ, съ фронта и изъ тыла, миллионы рукъ протягиваются за живительнымъ словомъ этого неустаннаго защитника народныхъ интересовъ, матеріальныхъ и духовныхъ, этого лучшаго выразителя самыхъ высокихъ и чистыхъ народныхъ чаяній. И неудивительно, что среди трудящихся массъ писанія Толстого пользуются исключительнымъ успѣхомъ, ибо они содержатъ исчерпывающіе отвѣты на самые насущные вопросы народной жизни и построены на томъ глубоко-религіозномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практически осуществимомъ основаніи, которое всего сроднѣе и понятнѣе для простого русскаго человѣка.

Такимъ образомъ, въ настоящую минуту, самой жизнью возложена великая отвѣтственность на тѣхъ изъ насъ, кому открытъ единственный выходъ изъ создавшагося невозможнаго положенія. И мы обязаны, не теряя ни часа, съ особеннымъ напряженіемъ посвятить свои силы утоленію духовнаго голода народа, обязаны беззаветно отдаться этому святому служенію людямъ-братьямъ.

Если мы теперь—когда писанія Толстого, прежде утаивавшіяся отъ народа царскими запретами, могутъ, наконецъ, беспрепятственно издаваться—не подѣлимся этими писаніями съ трудовымъ народомъ, если мы не облегчимъ ему полученіе того, что онъ ищетъ и чего онъ вправѣ ожидать именно отъ насъ,—то не уподобимся ли мы тѣмъ людямъ, которые, по притчѣ Христа, присвоивъ себѣ ключи отъ Царства Небеснаго, сами не входили въ него и другихъ туда не пускали?

Кто знаетъ, быть можетъ работѣ сознанія Толстого—вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннимъ ростомъ народнаго сознанія, однимъ изъ проявленій котораго и былъ Толстой,—предстоитъ совершенно измѣнить и личныя

и общественныя условія жизни сначала русскаго народа, а затѣмъ и всего человѣчества.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ намъ, всѣмъ намъ, вѣрящимъ въ силу правды и любви, необходимо приложить самыя напряженныя и согласованныя усилія къ выполненію лежащей передъ нами задачи распространенія взглядовъ Толстого среди нашего народа, самымъ опредѣленнымъ образомъ заявляющаго свою потребность въ этомъ.

И отвѣтить на эту потребность намъ нужно въ масштабѣ, соотвѣтствующемъ ея обширности и значенію.

Приложимъ же сообща наши слабыя силы къ осуществленію этого великаго дѣла, и Богъ, Источникъ свѣта, поможетъ намъ.

Ради выполнения этой задачи, Совѣтъ Общества Истинной Свободы и Редакція издательства „Голосъ Толстого и Единеніе“ обращаются ко всѣмъ лицамъ, сочувственно относящимся къ распространенію взглядовъ Л. Н. Толстого, съ просьбой не отказать въ сообщеніи о томъ, въ какой формѣ эти лица смогли бы практически способствовать дѣлу.

Во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи желательно самое дѣятельное сотрудничество этому идейному предпріятію, уже начатому издательствомъ „Голосъ Толстого и Единеніе“ (подъ редакціей В. Г. Черткова). Нужны лица, могущія устроить или содѣйствовать устройству въ разныхъ пунктахъ Россіи, а также и въ центрѣ издательскаго дѣла, въ Москвѣ, книжные склады, магазины, кіоски или хотя бы домашнюю продажу писаній Толстого и сродной ему литературы; а также лица, желающія оказать помощь распространенію повременнаго изданія „Голосъ Толстого и Единеніе“ и книгъ Толстого—на лоткахъ, базарахъ, вокзалахъ, желѣзнодорожныхъ станціяхъ и т. п.

Особенно необходима помощь въ дѣлѣ ознакомленія со взглядами Толстого широкихъ крестьянскихъ, рабочихъ и солдатскихъ массъ.

Необходима также помощь и въ дѣлѣ устройства въ разныхъ мѣстахъ Россіи собраній, митинговъ и вечеровъ, посвященныхъ лекціямъ, публичнымъ чтеніямъ и собесѣдованіямъ въ связи съ выражаемымъ Толстымъ свободно-христіанскимъ жизнепониманіемъ.

Имѣются въ виду собранія не только для взрослыхъ, но и для юношества и дѣтей.

Вслѣдствіе истощенія имѣвшихся въ издательствѣ весьма ограниченныхъ средствъ, предполагается въ ближайшемъ будущемъ организовать наше издательское дѣло на болѣе прочныхъ, быть можетъ кооперативныхъ, началахъ для образованія необходимаго оборотнаго издательскаго фонда, долженствующаго соотвѣтствовать размѣрамъ лежащей передъ нами обширнѣйшей задачи.

Отклики на это обращеніе и предложенія своего содѣйствія, съ точнымъ, по возможности, указаніемъ формы своей вѣроятной помощи, слѣдуетъ адресовать: *Въ редакцію издательства „Голосъ Толстого и Единеніе“, Москва, Тверская, 70.* По этому же адресу можно направлять и денежные переводы съ надписью на отрѣзномъ купонѣ: *Въ Издательскій Фондъ Писаній Л. Н. Толстого.*

Совѣтъ Общества Истинной Свободы въ память Л. Н. Толстого.

Редакція издательства „Голосъ Толстого и Единеніе“.